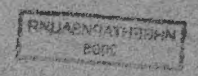
МЕТОДЪ И СРЕДСТВА
СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ
ДРЕВНѢЙШАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА
СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ
И
РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Николая Загоскина,
приватъ-доцента Императорскаго Казанскаго Университета.

Весь сборъ отъ продажи брошюры предоставляется **ВЪ ПОЛЬЗУ СЛАВЯНЪ** Балканскаго полуострова.

Цѣна 60 коп.

КАЗАНЬ.
въ типографіи университета.
1877.

МЕТОДЪ И СРЕДСТВА

СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА

СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ

И

РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Николая Загоскина,

приватъ-доцента Императорскаго Казанскаго Университета.

Весь сборъ отъ продажи брошюры предоставляется **ВЪ ПОЛЬЗУ СЛАВЯНЪ** Балканскаго полуострова.

КАЗАНЬ.

въ типографіи университета.

1877.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 20 ноября 1876 г.

Испр. д. Декана *А. Станиславскій.*

Czas jest, ażeby się Sławianie i w prawodawstwie swojém dokładnie rozpatrzyli, i przekonali się, że jak język i obyczaje, tak i prawo ściśle ich z sobą łączy.

(Maciejowski. Historya prawodawstw Słowianskich. I, § 40).

При настоящемъ положеніи науки права является совершенно неумѣстнымъ и лишнимъ доказывать то вполнѣ выработавшееся положеніе, что право даннаго народа — по крайней мѣрѣ при нормальномъ ходѣ развитія его—не есть искуственное, механическое наслоеніе различнаго рода опредѣленій и институтовъ, но что напротивъ, право каждаго народа, есть непосредственное отраженіе и продуктъ самой жизни его, результатъ какъ внѣшнихъ условій жизни, такъ и духовнаго склада и міросозерцанія его. Ученіе это, вполнѣ и послѣдовательно развитое юристами исторической школы—привело къ сознанію о національномъ характерѣ права.

Національный характеръ права каждаго народа коренится въ воздѣйствіи на историческій ходъ жизни народа многоразличныхъ условій какъ физическаго, такъ и духовнаго характера. Географическія и климатическія условія страны, занимаемой народомъ, форма общественной жизни его, большая или меньшая развитость его въ отношеніяхъ промышленно-экономическомъ, научномъ, художественномъ, нравственномъ, религіозномъ, отношенія его къ сосѣднимъ народамъ и т. п.,—всѣ эти обстоятельства вліяютъ на колоритъ права каждаго народа. Такимъ образомъ, право каждаго отдѣльнаго народа является непосредственнымъ отраженіемъ такъ или иначе сложившихся формъ и условій жизни его.

Отсюда слѣдуетъ, что если бы два или болѣе народа находились въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ жизни и на равныхъ ступеняхъ духовнаго развитія,—въ такомъ случаѣ и права ихъ носили-бы въ себѣ весьма много общаго, если не тожественнаго. И дѣйствительно, исторія права учитъ насъ, что подобный законъ на самомъ дѣлѣ существуетъ. Исторія права гласитъ что въ жизни отдѣльныхъ народовъ бываютъ такіе періоды, въ теченіи которыхъ права ихъ носятъ признаки весьма тѣснаго родства, проявляющагося въ одинаковости многихъ институтовъ и опредѣленій. Это явленіе свойственно такъ называемому *донаціональному* или *первичному періоду развитія юридическаго быта* народовъ,—періоду, въ продолженіе котораго не успѣваютъ еще заявить себя въ достаточно сильной степени тѣ внѣшнія вліянія и черты національнаго партикуляризма, которыми обусловливается дальнѣйшее, уже вполнѣ національное развитіе права отдѣльныхъ народовъ ([1]). Существованіе донаціональнаго періода въ исторіи права всѣхъ вообще народовъ ясно доказываетъ намъ, что права ихъ проистекаютъ изъ одного и того-же первичнаго источника, порождаются однѣми и тѣми-же соціально-экономическими потребностями. Являясь такимъ образомъ общими у всѣхъ народовъ въ донаціональный періодъ жизни ихъ,—правовыя начала отдѣльныхъ народовъ уже по окончаніи этого періода вступаютъ въ болѣе или менѣе самостоятельныя, обособленныя, національныя колеи развитія. Такимъ образомъ права отдѣльныхъ народовъ могутъ быть схематически изображены въ видѣ множества радіусовъ, расходящихся изъ одного общаго центра; чѣмъ болѣе удлиняются эти радіусы, тѣмъ болѣе удаляются они одинъ отъ другаго: чѣмъ далѣе идетъ развитіе юридической жизни отдѣльныхъ народовъ, тѣмъ обособленнѣе, тѣмъ національнѣе дѣлаются и самыя права ихъ.

Изъ того что права отдѣльныхъ народовъ истекаютъ изъ одного корня, порождаются однѣми и тѣми же экономическими потребностями и являются дальнѣйшимъ развитіемъ однихъ и тѣхъ-же основныхъ, эмбріологическихъ началъ—вытекаетъ весьма послѣдовательнымъ образомъ то поло-

---

([1]) М. Капустинъ: Исторія права. I. Яросл., 1872 г., стр. 13—14.

женіе, что права отдѣльныхъ народовъ, не смотря на видимый партикуляризмъ и на воздѣйствіе на нихъ неодинаковыхъ внѣшнихъ условій, должны тѣмъ не менѣе заключать въ себѣ до извѣстной степени общіе коренные принципы, которые могутъ быть указаны въ юридическомъ быту каждаго народа. Еще римскіе юристы сознавали то положеніе, что въ системѣ права существуютъ извѣстныя отношенія, являющіяся аналогичными у всѣхъ народовъ,—„quod natura omnia animalia docuit“ (Ульпіанъ), или „quod non opinio genuit, sed quaedam innata vis inseruit“ (Цицеронъ).

Впослѣдствіе времени болѣе выяснившееся сознаніе этого положенія, а въ особенности перенесеніе его на почву этической философіи, повело къ цѣлому искусственному построенію системы такъ называемаго *естественнаго права*, какъ такой совокупности правовыхъ отношеній и опредѣленій, которая, имѣя своимъ основаніемъ и исходною точкою нормальную, естественную и для всякой національности общую человѣческую природу, примѣнима къ быту каждаго отдѣльно взятаго народа. Нисколько не увлекаясь крайними, и нерѣдко искусственными, схоластическими выводами поборниковъ школы естественнаго права,—мы не можемъ тѣмъ не менѣе не согласиться съ тѣмъ нерѣдко рѣзко бросающимся въ глаза явленіемъ, что не только коренныя основы правоваго быта, но весьма часто даже и самыя, болѣе или менѣе значительныя подробности его, представляются схожими, а подчасъ и тожественными у народовъ не представляющихъ между собою повидимому ничего общаго, значительно другъ отъ друга отдаленныхъ и прошедшихъ совершенно различныя стадіи историческаго бытія своего. Несравненно разительнѣе представляется подобнаго рода аналогія, а иногда и тожественность правъ—у народовъ стоящихъ на одинаковой ступени развитія и подвергающихся вліянію одинаковыхъ жизненныхъ условій.

Изъ указаннаго сходства многихъ правовыхъ институтовъ и опредѣленій, проявляющагося нерѣдко при паралельномъ наблюденіи юридическаго быта отдѣльныхъ народовъ, открывается широкая возможность введенія *сравнительнаго метода* въ изученіе исторіи права. Сравнительный методъ, который уже во многихъ отрасляхъ знанія привелъ къ самымъ плодотворнымъ результатамъ, является положительно неоцѣненнымъ для историка-юриста. Сравнительный методъ изученія исторіи

права даетъ возможность правильнѣе понимать различныя явленія юридическаго быта каждаго отдѣльнаго народа, черезъ сравненіе ихъ съ подобными же явленіями юридическаго быта другихъ народовъ, стоящихъ въ сходныхъ условіяхъ физической и духовной жизни; подобное сравненіе является особенно полезнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное явленіе правоваго быта представляется не совсѣмъ яснымъ въ жизни изслѣдуемаго народа. Здѣсь изслѣдогателю остается одинъ надежный исходъ—примѣненіе сравнительнаго метода изслѣдованія этого явленія. Здѣсь изслѣдователь долженъ обратиться къ исторіи права другихъ народовъ, находившихся въ данную эпоху въ тѣхъ-же или схожихъ условіяхъ жизни, въ какихъ находился и изслѣдуемый народъ, въ изслѣдованіи исторіи правовой жизни котораго встрѣтилось затрудненіе. Вѣроятность разрѣшенія послѣдняго основывается въ данномъ случаѣ на томъ предположеніи, что изслѣдуемое являніе, коренясь и исходя отъ одной и той-же экономичеекой потребности, должно отлиться и въ весьма близкія, если не тожественныя, формы у сравниваемыхъ народовъ, какъ скоро на развитіе его въ жизни послѣднихъ воздѣйствовали схожія условія быта. Само собою разумѣется, что работа въ подобномъ направленіи должна быть производима съ крайнею осторожностью и осмотрительностью, иначе, какъ показываютъ намъ это неоднократные примѣры, сравнительный методъ грозитъ принести плоды болѣе вредные нежели полезные, наводнивъ науку массою самыхъ неудачныхъ натяжекъ, предположеній, сопоставленій и неосновательныхъ выводовъ. По окончаніи сейчасъ лишь указаннаго процесса сравненія и по извлеченіи изъ него извѣстныхъ выводовъ, нельзя еще считать дѣло законченнымъ; изслѣдователь долженъ подвергнуть полученные имъ выводы тщательной критикѣ, что-бы убѣдиться, согласны-ли они съ общимъ характеромъ развитія юридическаго быта изслѣдуемаго народа и съ позднѣйшимъ развитіемъ въ послѣдующія эпохи того правоваго явленія, которое дало поводъ къ затрудненію. Въ дальнѣйшемъ, болѣе обширномъ примѣненіи своемъ, сравнительный методъ можетъ привести, а отчасти уже и привелъ, къ открытію многихъ интересныхъ и крайне поучительныхъ законовъ развитія юридическихъ институтовъ и отношеній, взятыхъ въ самомъ существѣ своемъ, безъ отношенія къ какой либо особенной, исключительной народности.

Мы уже сказали что извѣстные правовые институты и отношенія, проистекая у всѣхъ народовъ изъ однаго и того-же корня, изъ одной и той-же экономической потребности, весьма нерѣдко принимаютъ въ дѣйствительной жизни совершенно различные оттѣнки вслѣдствіе того именно, что на развитіе ихъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ воздѣйствовали неодинакія условія быта и неодинакія внѣшнія вліянія. Здѣсь представляется для историка-юриста весьма обширное поле дѣятельности, здѣсь представляется возможность широкаго анализа условій и вліяній содѣйствовавшихъ развитію у извѣстнаго народа даннаго юридическаго института или отношенія именно въ такомъ, а не иномъ направленіи—а отсюда открывается дальнѣйшій путь къ изученію исторіи права во всемірно-историческомъ развитіи его.

До сихъ поръ говорили мы о примѣненіи сравнительнаго метода къ изслѣдованію исторіи права всякаго народа вообще, принимая народъ въ смыслѣ обособленной, отдѣльной единицы всего человѣчества. Но извѣстно что всякій народъ входитъ въ обще-человѣческій союзъ черезъ посредство высшей единицы человѣчества—*національнаго племени*, къ которому онъ относится какъ часть къ цѣлому, какъ семья къ роду. Уже изъ родственной связи существующей между народами, входящими въ кругъ одного національнаго племени, легко возникаетъ предположеніе, что какъ характеръ, склонности и языкъ ихъ являютъ признаки близкаго родства, такъ и правовое сознаніе, такъ и правовой бытъ ихъ долженъ являть въ себѣ болѣе или менѣе общія черты. Если подобнаго рода родственная связь юридическихъ воззрѣній одноплеменныхъ народовъ не можетъ быть во многихъ случаяхъ послѣдовательно подмѣчена въ эпоху болѣе отдаленную отъ той первоначальной эпохи, когда племя впервые распалось на нѣсколько отдѣльныхъ народовъ,—то несомнѣннымъ является то, что эта родственная связь обозначается для изслѣдователя все рельефнѣе и поразительнѣе по мѣрѣ того, какъ начнетъ онъ углубляться въ минувшіе вѣка исторической жизни соплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи исторія права выказываетъ полнѣйшее сходство съ исторіею языка: чѣмъ далѣе идетъ впередъ жизнь соплеменныхъ народовъ, тѣмъ болѣе видоизмѣняется по отношенію къ первоначальному типу и вслѣдствіе различныхъ причинъ и вліяній, какъ форма нарѣчій ихъ, такъ и форма

праваго быта. Изъ сказаннаго видимъ, что родственность юридическаго сознанія и сходство правоваго быта, замѣчаемыя у народовъ принадлежащихъ къ одному національному племени, должно отличать отъ тѣхъ нерѣдко схожихъ общихъ юридическихъ началъ, которыя подмѣчаются у народовъ и не родственныхъ между собою, но стоящихъ на близкихъ ступеняхъ развитія и въ болѣе или менѣе близкихъ бытовыхъ условіяхъ. Въ первомъ случаѣ сходство правовыхъ началъ является, если можно такъ выразиться, органическимъ, является результатомъ родства существующаго между единоплеменными народами, вслѣдствіе котораго и самый складъ духа и міросозерцанія родственныхъ народовъ складывается въ общемъ направленіи; это сходство коренится въ тѣхъ отдаленныхъ эпохахъ жизни соплеменныхъ народовъ, въ которыхъ составляли они еще одно нераздѣльное тѣло, жизнь и духовныя проявленія котораго были въ равной мѣрѣ близки каждому изъ единичныхъ членовъ его. Во второмъ случаѣ сходство отдѣльныхъ явленій правоваго быта является результатомъ случайнаго порожденія ихъ общими условіями жизни, а въ болѣе общихъ началахъ права—отголоскомъ дошедшимъ до насъ отъ донаціональнаго періода жизни народовъ, періода, въ которомъ юридическія отношенія и нормы ихъ опредѣляющія, представляясь въ самой грубой и неразвитой формѣ, весьма близко подходятъ къ чувству инстинкта, какъ мѣтко выразился проф. Капустинъ, и, непосредственно вытекая изъ врожденныхъ человѣку духовныхъ и матеріальныхъ требованій (первоначально крайне несложныхъ и почти общихъ для всѣхъ)—получаютъ вначалѣ и вполнѣ сходственное развитіе въ отдѣльныхъ группахъ всего человѣческаго рода.

Теперь, послѣ всего сказаннаго—не трудно усмотрѣть *возможность двоякаго примѣненія сравнительнаго метода къ изученію исторіи права*, именно, изученія исторіи права *во всемірно-историческомъ развитіи* его, не ограничиваясь опредѣленною группою соплеменныхъ народовъ, и изученіе исторіи права *въ предѣлахъ лишь опредѣленной группы соплеменныхъ народовъ*, наприм. изученіе исторіи права народовъ романскаго, германскаго или славянскаго племени.

Какъ по отношенію къ изученію исторіи права всякаго народа вообще, такъ и по отношенію къ изученію исторіи права русскаго народа, вполнѣ возможнымъ является при-

ложеніе обоихъ способовъ примѣненія сравнительнаго метода, т. е. во первыхъ, изученіе исторіи русскаго права въ связи съ исторіею права во всемірно-историческомъ развитіи его у всѣхъ народовъ вообще,—и во вторыхъ, изученіе его въ связи съ исторіею права народовъ соплеменныхъ съ русскимъ, т. е. въ связи съ исторіею права остальныхъ славянскихъ народовъ ([1]).

Считая второй видъ примѣненія сравнительнаго метода къ изученію исторіи русскаго права,—т. е. изученіе послѣдняго въ связи съ исторіею права остальныхъ славянскихъ народовъ,—крайне настоятельнымъ, плодотворнымъ и преимущественно цѣлесообразнымъ при современномъ состояніи науки исторіи русскаго права, мы и избрали его предметомъ нашего очерка.

Возможность изученія древней исторіи русскаго права въ связи съ исторіею правъ остальныхъ славянскихъ народовъ возникла лишь въ самое недавнее время, во первыхъ уже потому, что сама наука исторіи русскаго права представляется наукою молодою, едва лишь вышедшею изъ младенчества, а во вторыхъ и потому, что лишь въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій явились научные дѣятели, энергически приступившіе къ изданію, обработкѣ и разработкѣ памятниковъ древнихъ славянскихъ законодательствъ.

Извѣстному польскому историку-юристу *В. Мацѣевскому* (W. A. Maciejowski) принадлежитъ честь перваго почина въ дѣлѣ систематической разработки исторіи славянскихъ законодательствъ, въ его обширномъ трудѣ: „Historya prawodawstw Słowianskich“ (Исторія славянскихъ законода-

([1]) Нельзя не отдать справедливости университетскому Уставу 1863 года въ томъ, что онъ вполнѣ сознаетъ возможность двойственнаго приложенія сравнительнаго метода къ изученію исторіи права. Этотъ Уставъ ввелъ въ кругъ кафедръ юридическаго факультета двѣ самостоятельныя кафедры преподаванія сравнительной исторіи права, одну для преподаванія «исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ», другую для преподаванія «исторіи славянскихъ законодательствъ»; независимо отъ этихъ кафедръ учреждена особая кафедра для преподаванія исторіи русскаго права.

тельствъ), вышедшемъ въ свѣтъ первымъ изданіемъ (въ 4 томахъ) въ промежутокъ времени 1832—1835 гг. (¹). Лишь по выходѣ въ свѣтъ этого замѣчательнаго по своему времени труда, является послѣдовательное и твердое сознаніе необходимости историко-сравнительнаго изученія древнихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для выясненія основъ обще-славянскаго права, какъ права легшаго въ основу правоваго быта всѣхъ народовъ славянскаго племени,—такъ и для освѣщенія надлежащимъ свѣтомъ въ весьма многихъ случаяхъ утратившихъ для насъ ясность юридическихъ институтовъ и отношеній древняго права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ. Матеріалы, сборники и изслѣдованія славянскихъ ученыхъ, трудившихся какъ на поприщѣ чистой исторіи права, такъ и на поприщѣ славянской исторіи и словесности—каковы труды Шафариковъ, В. Караджича, Рейца, Бандке, Обреновича, Боцеля, Палацкаго, Ригера, Челяковскаго, Эрбена, Губе, Миклошича, Кукулевича-Сакцинскаго и мн. др., а изъ новѣйшихъ Ирѣчька и Богишича—дали возможность научной разработки памятниковъ древне-славянскаго права, указали исторіи славянскихъ законодательствъ надлежащее мѣсто въ ряду историко-юридическихъ наукъ и ясно дали увидѣть, что права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ составляютъ лишь вѣтви одного корня, что права Русскихъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и другихъ славянскихъ народностей не стоятъ изолированными, но что всѣ они составляютъ отрасли одного обще-славянскаго права, основы котораго также близки жизни каждаго изъ славянскихъ народовъ, какъ близки ей коренныя начала всей системы славянскихъ нарѣчій. Нельзя сказать что-бы русскіе ученые и писатели не вложили посильной лепты своей на пользу разработки древне-славянскаго права, или въ качествѣ историковъ—юристовъ, или въ качествѣ издателей древне славянскихъ памятниковъ, или-же наконецъ въ качествѣ филологовъ, этнографовъ, историковъ и бытописателей; трудовъ Иванишева, Бодянскаго, Венелина, Майкова, Макушева, Котляревскаго, Шпилевскаго, Леонтовича, Зигеля и др. не обойдетъ ни одинъ изъ изслѣдователей древне-славянскаго права.

(¹) Второе исправленное и пополненное изданіе, въ 6 томахъ, вышло въ свѣтъ въ 1856—1865 гг. (Это изданіе и цитируется нами).

Спрашивается теперь, въ чемъ же заключается практическая польза изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіею правъ остальныхъ народностей славянскихъ, какія практическія цѣли преслѣдуетъ подобное направленіе въ изученіи нашей науки? Прежде всего, и главнымъ образомъ, возникаютъ изъ примѣненія подобнаго метода къ изученію исторіи русскаго права всѣ тѣ практическіе результаты, какіе вообще влечетъ за собою приложеніе сравнительнаго метода къ изученію историческихъ наукъ: расширеніе кругозора изслѣдователя, возможность обширной эмпирической критики фактовъ и правильнаго пониманія послѣднихъ,—пониманія свободнаго отъ чисто субъективныхъ и нерѣдко пристрастныхъ, тенденцій изслѣдователя. Не говоря уже объ этихъ общихъ выгодахъ примѣненія сравнительнаго метода,—изученіе исторіи древняго русскаго права въ связи съ исторіею обще-славянскаго права является въ особенности потому не только цѣлесообразнымъ, но и положительно необходимымъ,—что оно, какъ это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняется, является *единственнымъ* надежнымъ путемъ къ объясненію многихъ институтовъ, отношеній и опредѣленій древнѣйшаго русскаго права, которые, вслѣдствіе недостаточности и отрывочности свидѣтельствъ объ нихъ въ источникахъ—являются камнемъ преткновенія для изслѣдователя и нерѣдко толкуются и объясняются самымъ произвольнымъ образомъ. Масса подобныхъ отрывочныхъ, неясныхъ и затруднительныхъ для пониманія мѣстъ встрѣчается не только въ древнѣйшихъ памятникахъ юридическаго быта русскихъ славянъ,—каковы Договоры съ Греками и Русская Правда—но и во многихъ законодательныхъ памятникахъ XV—XVI вв.; да и современное намъ обычное право русскаго народа, во многихъ отношеніяхъ своихъ, врядъ-ли можетъ быть исторически изучаемо безъ познанія коренныхъ началъ обще-славянскаго права.

Покойный *профес. Иванишевъ* выставилъ въ 1840 г. на видъ еще одну пользу, проистекающую отъ изученія исторіи русскаго права въ системѣ исторіи обще-славянскаго права. Мысль высказанная въ этомъ случаѣ Иванишевымъ, не смотря на отдѣляющій ее отъ насъ тридцатипятилѣтній промежутокъ времени, до сихъ поръ не утратила еще своего значенія. „Законодательство каждаго отдѣльнаго народа, заявилъ Иванишевъ, какъ выраженіе народной мы-

сли, можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствомъ другихъ одноплеменныхъ народовъ. . . . Для древняго Россійскаго законодательства, продолжаетъ онъ, изслѣдованіе славянскихъ законодательствъ не только важно потому, что можетъ прояснить намъ древніе наши законодательные памятники, но и потому, что оно даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ: считать ли намъ древніе памятники Россійскаго законодательства заимствованными у Германцевъ или чисто Славянскими? (1)" Вся дѣятельность Иванишева, какъ историка-юриста, была въ сущности стремленіемъ къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса, которое и привело его къ полному убѣжденію въ чистотѣ національнаго характера древняго законодательства нашего. Иванишеву нужно было обладать отличавшею его пытливостью научнаго взгляда, талантливостью и рѣдкою способностью обобщать представляющіеся факты, что-бы дойти до подобнаго убѣжденія въ ту эпоху когда, подъ свѣжимъ вліяніемъ юристовъ-историковъ нѣмецкой школы, господствовала въ русской наукѣ какая-то непонятная, повальная страсть отказывать во всякой національной самостоятельности какъ самому строю древне-русской государственной и общественной жизни, такъ и памятникамъ дреняго законодательства нашего, объясняя опредѣленія ихъ заимствованіями отъ всевозможныхъ народностей, съ какими приходилось столкиваться нашему народу на первыхъ порахъ жизни его,—а главнымъ образомъ, конечно, отъ нѣмцевъ. Это направленіе, стремившееся очевидно совершенно обезцвѣтить древне-русскій строй жизни, подводя его подъ рамки чужаго, несвойственнаго ему быта, находило себѣ послѣдователей, какъ не прискорбно въ томъ сознаться, въ цѣломъ поколѣніи русскихъ историковъ. Крайне мѣтко и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко очерчиваетъ это анти-національное направленіе *К. Д. Кавелинъ* въ своей рецензіи на сочиненіе Терещенко: „Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ, очевидныхъ парадоксовъ, замѣчаетъ онъ, положенныхъ въ основу русской археологіи, заключается въ объясненіи нашихъ обыча-

---

(1). Н. Иванишевъ: О платѣ за убійство въ др. рус. и другихъ слав. законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ, 1840. См. вступленіе.

евъ чужими обычаями, нашихъ нравовъ—чужими нравами. Не только русская археологія, даже русская исторія долго разработывалась по этой ложной мысли.... Замѣтитъ ли изслѣдователь какое нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ,—онъ смѣло и не обинуясь говоритъ что обычай этотъ заимствованъ отъ Евреевъ; съ греческими или римскими—отъ Грековъ и Римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ—отъ Персовъ, Индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, продолжаетъ Кавелинъ, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, все равно какого: была-бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія (1)".

Мы смѣло можемъ сказать, что въ наши дни это рабски-подражательное направленіе русской историко-юридической науки потеряло всякое право гражданства, хотя плоды его и до сихъ поръ еще продолжаютъ отзываться въ весьма многихъ отношеніяхъ. Масса открытыхъ и научнымъ образомъ изданныхъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ и нѣсколько свѣтлыхъ умовъ изслѣдователей, горячо и съ любовью взявшихся за научную разработку ихъ въ связи съ изслѣдованіемъ памятниковъ древне-русскаго законодательства, дали возможность надѣяться что, раскрывающаяся съ каждымъ шагомъ впередъ по этому пути, связь древне-русскаго права съ исторіею обще-славянскаго права вскорѣ сдѣлается вполнѣ сознанною и выясненною и что вмѣстѣ съ тѣмъ наука исторіи русскаго права, стоящая и нынѣ уже на точкѣ поворота, твердо и успѣшно пойдетъ по новому направленію, окончательно стряхнувъ съ себя долго связывавшую ея рутину и нѣметчину. Надо надѣяться что вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и самая неопредѣленность метода, произвольность направленій и крайній субъективизмъ—вносящіе въ эту юную науку тотъ разладъ и отсутствіе гармоническаго единства, которые такъ замѣтно отзываются въ ея литературѣ.

Что касается самой возможности изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіею правъ остальныхъ народовъ славянскаго племени—то она, какъ мы уже сказали,

(1) Кавелинъ: Сочиненія. IV. 43 стр.

всецѣло основывается на сродствѣ правъ всѣхъ народовъ этого племени. Но само собою разумѣется, что дѣйствительность этого сродства лишь въ томъ случаѣ сдѣлается очевидною, если будетъ указано что права всѣхъ славянскихъ народовъ коренятся въ одномъ общемъ источникѣ и что они почерпали содержаніе свое *именно* изъ этого общаго источника.

Извѣстно что никакое человѣческое общество не можетъ обходиться безъ правовыхъ опредѣленій, которыми-бы регулировалась жизнь какъ самаго общества, такъ и отдѣльныхъ недѣлимыхъ его составляющихъ. Если мы на первоначальныхъ ступеняхъ развитія народной жизни и не встрѣчаемъ письменныхъ памятниковъ законодательства, то отсюда нельзя еще выводить заключенія, будто народъ этотъ жилъ первоначально внѣ всякихъ правовыхъ опредѣленій; это указываетъ лишь на то, что правовой бытъ этого народа регулировался нормами неписаннаго, обычнаго права. *Обычное право* и является *самою раннею по времени формою регламентаціи юридическихъ отношеній* всякаго молодаго общества. Въ правовомъ обычаѣ юридическое сознаніе народа, отмѣчая извѣстныя юридическія отношенія, первоначально тѣ, конечно, которыя представляютъ для него наибольшее жизненное значеніе, наивысшую степень нравственнаго или экономическаго интереса,—стремится выразить ихъ въ извѣстной внѣшней опредѣленности, придать имъ извѣстнаго рода правильность и устойчивость, черезъ облеченіе въ постоянную, неизмѣнную внѣшнюю форму. Таково происхожденіе обычая. Являясь непосредственнымъ произведеніемъ творческой силы народнаго духа, продуктомъ народнаго склада ума, воли и чувства, обычай не помнитъ своего начала, не помнитъ что-бы кто-либо установилъ его, подобно тому какъ и другой продуктъ духовной жизни народа—языкъ, не можетъ сказать что-бы кто либо изобрѣлъ его. Результатомъ сознанія общенароднаго, чисто національнаго характера обычнаго права является привязанность народа къ своимъ обычаямъ: народъ дорожитъ ими, ревностно оберегаетъ ихъ отъ возможности забвенія, считаетъ соблюденіе ихъ дѣломъ священнымъ, угоднымъ божественной волѣ и, обратно, всякое уклоненіе отъ обычаевъ, всякую попытку измѣнять ихъ—считаетъ дѣломъ преступнымъ, дѣломъ противнымъ божественной волѣ. Высоко цѣня обычное пра-

во свое, многіе народы составляютъ себѣ представленіе о божественномъ происхожденіи его и тѣмъ придаютъ ему еще большую силу и значеніе. Болѣе или менѣе развитую систему обычнаго права встрѣчаемъ мы не только у народовъ достигшихъ уже извѣстной степени развитія и культуры, но и у народовъ стоящихъ еще внѣ всякихъ условій цивилизаціи, у народовъ едва вступившихъ на стезю своего историческаго бытія.

Ниже увидимъ мы то огромное значеніе и ту непоколебимую силу, какія имѣло обычное право въ древнѣйшемъ, а въ значительной степени и въ новѣйшемъ быту славянскихъ народовъ. Оно легло въ основу дальнѣйшаго хода развитія правоваго быта и законодательства ихъ; древнѣйшіе славянскіе законодательные сборники представляютъ ничто иное, какъ болѣе или менѣе оффиціальные своды записанныхъ обычаевъ или-же частные сборники ихъ, получившіе санкцію законодательной власти, а нерѣдко даже и не получавшіе подобной санкціи. Отсюда вытекаетъ, что для сравнительнаго изученія древней исторіи славянскихъ законодательствъ, а слѣдовательно и для изученія древней исторіи русскаго права сравнительно съ исторіею правъ остальныхъ народовъ славянскихъ—первою задачею представляется познаніе принциповъ обще-славянскаго обычнаго права, какъ основы, какъ краеугольнаго камня всего дальнѣйшаго хода развитія юридической жизни отдѣльныхъ народовъ славянской группы. Но выполненіе подобнаго рода задачи ведетъ къ постановкѣ двухъ основныхъ вопросовъ: 1) *Существуютъ ли основанія предполагать что обычныя права отдѣльныхъ славянскихъ народностей*, а въ томъ числѣ и русской, *развились* подъ вліяніемъ одного и того-же духа, *изъ одного и того-же источника*, и затѣмъ: 2) *Существуютъ ли средства познанія принциповъ этого обще-славянскаго обычнаго права*, а въ томъ числѣ и обычнаго права русскихъ славянъ?

Постараемся разсмотрѣть оба поставленные нами вопросы на столько обстоятельно, на сколько позволятъ намъ то наши силы и размѣры настоящаго очерка.

I.

Мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ дѣйствовавшемъ у Славянъ въ ту отдален-

ную, до-историческую эпоху, пока они не распались еще на нѣсколько отдѣльныхъ народностей,—какъ и вообще не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣденій объ этой эпохѣ славянской жизни; исторія застаетъ Славянъ уже расселившимися изъ первоначальной родины своей и образовавшими цѣлую группу болѣе или менѣе обособившихся народцевъ. Нѣкоторыя свѣденія объ обычномъ правѣ дѣйствовавшемъ среди отдѣльныхъ народцевъ славянскихъ дошли до насъ, тѣмъ не менѣе, отъ вѣковъ весьма отдаленныхъ,—отъ первыхъ вѣковъ историческаго періода жизни ихъ. Но въ эту эпоху обычное право ихъ не можетъ уже быть названо обще-славянскимъ въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ этого выраженія: въ эту эпоху уже отразило оно въ себѣ тѣ особенности и партикулярныя черты жизни, которыя вкрались въ самую разъединившуюся жизнь славянскую. Этотъ партикуляризмъ, какъ самой жизни отдѣльныхъ народовъ Славянскихъ, такъ и вытекавшій изъ него мѣстный, особенный колоритъ самаго права ихъ, подтверждается многими какъ славянскими, такъ и иноземными свидѣтельствами. Партикуляризмъ права не только отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, но даже областной партикуляризмъ обычнаго права дѣйствовавшаго въ средѣ каждаго изъ нихъ, весьма нагляднымъ образомъ проявляется и въ цѣлой массѣ пословицъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. „Jaké prase, taký kvik, jaký narod, taký zvyk“; „Co kraj, to obyczaj“; „Každý kraj své právo má“; „каждый край мае свій обычай“; „Kolik měst, tolik obycejův jest“; „Kolik vsi, tolik zvikłosti“; „Что городъ то норовъ, что деревня то обычай“; „что земля, то проказы“ (¹). О партикуляризмѣ племенъ восточныхъ Славянъ, образовавшихъ въ IX—X вв. русскую народность, свидѣтельствуетъ намъ и древняя наша лѣтопись; *Несторъ* замѣчаетъ что Поляне, Древляне, Сѣверяне и др. племена восточныхъ славянъ „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“ (²). При поверхностномъ взглядѣ на характеръ развитія древ-

(¹) Čelakovský: Mudroslovi národu Slovanského ve přislovich. Praha. 1852, стр. 338; Bogišić: Pravni obicaji u Slovena. Zagreb. 1867, стр. 17.

(²) П. С. Р. Л. I, 6.

нѣйшаго обычнаго права славянъ легко можно прійти къ тому заключенію, что партикуляризмъ славянскаго права долженъ былъ порвать всякую связь между правами отдѣльныхъ племенъ, заставивъ ихъ идти по совершенно обособленнымъ путямъ развитія. Но къ подобному заключенію можетъ привести именно только поверхностный взглядъ на дѣло. Всматриваясь глубже въ характеръ правъ, дѣйствовавшихъ среди отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, мы не можемъ не замѣтить что они, при всемъ партикуляризмѣ своемъ, въ сущности были продуктомъ общаго юридическаго сознанія и міросозерцанія, составлявшаго особенность своеобразнаго склада духа славянской народности, что партикуляризмъ славянскаго права не въ силахъ былъ поэтому заглушить объединявшей ихъ и дававшей имъ единство родственной связи. Единство духовнаго источника, изъ котораго черпали свое содержаніе нормы обычнаго права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, производило то, что извѣстныя правовыя отношенія и институты, отливаясь подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій быта въ различныя по внѣшнему виду формы, въ сущности служили отраженіемъ однихъ и тѣхъ-же правовыхъ принциповъ, одного и того же юридическаго духа. Различаясь по внѣшней формѣ, видоизмѣняясь во второстепенныхъ частяхъ, въ подробностяхъ—нормы обычнаго права племенъ славянскихъ сохраняли въ основѣ своей признаки близкаго, тѣснаго родства. Замѣтимъ что Несторъ самъ, указывая на то что восточные славяне имѣли „кождо обычай свой“ и „свой нравъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ что они имѣли „законъ *отецъ своихъ* и преданья“; выраженіемъ *законъ отецъ своихъ*, болѣе сильнымъ нежели выраженіе *обычай*, Несторъ какъ-бы указываетъ на нѣкоторыя нормы обычнаго права облеченныя особенною силою, носящіе на себѣ слѣды маститой древности, о времени происхожденія которыхъ никто не можетъ ничего сказать за исключеніемъ того только, что обычаи эти составляютъ священное преданіе, доставшееся отъ предковъ, что начало ихъ затеряно во мракѣ минувшихъ вѣковъ. Самъ Несторъ ставитъ эти *законы отецъ* въ паралель съ *преданіями*. „Подобно „закону отецъ и преданіямъ“ восточныхъ славянъ, память о старинныхъ законахъ, сохранившихся изъ глубины минувшихъ вѣковъ, жила и въ сознаніи древнихъ чеховъ. Извѣстная древне-чешская пѣснь

„О судѣ Любуши“ свидѣтельствуетъ о священныхъ нормахъ права, *„о законѣ святѣ“*, принесенныхъ, по словамъ пѣсни, древними предками чешскаго народа изъ старинной родины, *„изъ за трехъ рѣкъ“*, начало которыхъ таится слѣдовательно въ той отдаленной до-исторической эпохѣ, когда неразъединившіеся еще славяне жили на общей, первоначальной родинѣ своей, связанные общностью жизни, языка, религіи и права ([1]). Родство нормъ обычнаго права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ особенно рельефно высказывается въ памятникахъ древняго законодательства ихъ, всецѣло принявшихъ въ себя, какъ извѣстно, постановленія древне-славянскаго обычнаго права.

Права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ уже и потому не могли отрѣшиться отъ основныхъ началъ породившаго ихъ обще-славянскаго юридическаго духа, проникавшая ихъ родственная связь уже и потому не могла быть порвана внѣшнимъ партикуляризмомъ, придавшимъ имъ особый колоритъ,—что юридическому самосознанію славянскихъ племенъ является прирожденною особая черта, весьма удачно названная проф. Леонтовичемъ началомъ *консерватизма права*. Ярый, почти фанатическій консерватизмъ славянскаго права удерживалъ славянъ отъ всякаго стремленія къ ломкѣ и преобразованіямъ въ сферѣ правоваго быта. Избѣгая всякихъ нововведеній, противясь всякому проявленію вліянія на нихъ сосѣднихъ народовъ, въ особенности со стороны ненавистныхъ имъ нѣмцевъ, венгровъ и турокъ, славяне трепетали за неприкосновенность священныхъ законовъ и преданій своихъ, употребляли всѣ усилія къ сохраненію своего извѣчнаго, стариною освященнаго обычнаго права. „Нехвально намъ въ нѣмцехъ искати правду, замѣчаетъ упомянутая выше чешская пѣснь о судѣ Любуши, возставая противъ заимствованія юридическихъ нормъ отъ германцевъ,—у насъ правда по закону святу, *юже принесеху отцы наши*“. Консерватизмъ права рѣзко заявляетъ себя и во множествѣ пословицъ славянскихъ, напримѣръ: „Jac by poznal cizi mrav, no to neni práv“; „Novoty—Krivoty“; „Stare

---

([1]) Краледворская рукопись. Пѣснь о Судѣ Любуши.

([2]) Леонтовичъ. Ист. рус. права, вып. I, Од. 1869, стр. 88.

ustawy, świeże potrawy—są najlepsze"; „Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы" (1) и т. п.

Извѣстно что древніе чехи долго, болѣе пяти вѣковъ, не рѣшались составлять кодекса изъ громадной массы законодательнаго матеріала, накопившагося у нихъ въ видѣ такъ называвшихся *досокъ*, въ которыхъ получали письменную санкцію нормы изстариннаго обычнаго права, не рѣшались изъ опасенія того чтобы письмо, по выраженію Мацѣевскаго, не изгладило изъ ихъ сердецъ того, что начертала въ нихъ перстомъ своимъ святая справедливость (2). Устойчивость славянскаго права постоянно возбуждала справедливое удивленіе въ современникахъ, наблюдавшихъ эту черту славянской духовной жизни. Еще *Прокопій Кесарійскій* замѣчаетъ, въ своемъ сочиненіи „De bello Gothico", что у славянъ „ratio...servatur eadem, fuit que olim constituta" (3). „Что не отъ Бога, то скоро изчезаетъ, а право земли чешской безъ перемѣны, какъ сначала установлено, такъ и доселѣ сохраняется",—замѣчаетъ *Викторинъ Вшегородскій*, пораженный устойчивостью чешскаго права и готовый согласиться съ божественнымъ происхожденіемъ его (4). Консерватизмъ права составлялъ типичную черту славянской жизни и въ сравнительно позднѣйшія эпохи. По замѣчанію хорватскаго юриста—историка *Богишича*, консерватизмъ славянскаго права былъ главною причиною того явленія, что оно съумѣло противостать абсолютному господству римскаго права въ средне-вѣковую эпоху, когда послѣднее крѣпко держало въ суровыхъ тискахъ своихъ національныя права западно-европейскихъ народовъ, силясь облечь ихъ въ чуждыя, несвойственныя имъ формы и покровы. Весьма простодушно и наивно замѣчаніе, дѣлаемое по этому поводу *Яномъ*

---

(1) Čelakovský: Mudrosloví národu Sloranského ve příslovich. Praha, 1852, стр. 338—339; Bogižic: Pravni običaji u Slovena. Zagreb. 1867, стр. 17; Снегиревъ: Русскіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831, кн. III., стр. 127—128.

(2) Maciejowoski. Historia prowodawstw Słowianskich, wyd. dr., I, 239—240.

(3) Леонтовичъ. Ист. рус. права, I, стр. 114.

(4) Иванишевъ. Древнее право Чеховъ. Ж. М. Нар. Пр., 1841 г. іюнь, отд. II, стр. 100.

Церазыномъ, польскимъ юристомъ первой половины XVI-го вѣка († 1551 г.): „Наши не любятъ римскаго права, потому что его надо учить и долго блуждать въ немъ какъ въ лѣсу; у насъ каждый судитъ какъ научился отъ дѣда и прадѣда" (1). Консерватизмъ права даже и въ наши дни съ полною силою господствуетъ въ правовомъ быту славянскихъ народовъ. Каждому русскому, мало-мальски знакомому съ бытомъ нашего простонародья, твердо хранящимъ традиціи чисто-національной жизни, должна быть знакома та твердость, устойчивость и неизмѣнность, которыми пользуются въ средѣ его нормы обычнаго права. Подобною-же устойчивостью отличаются обычныя права и другихъ народовъ славянскаго племени. Поражающій примѣръ жизненности и силы своей представило въ текущемъ столѣтіи хорвато-далмацкое обычное право. Такъ, когда въ текущемъ столѣтіи введенъ былъ въ Далмаціи и Хорватіи обще-австрійскій гражданскій кодексъ, послѣдній, не смотря на оффиціальную обязательность свою, не въ силахъ оказался выдержать борьбу съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ; ему пришлось всецѣло уступать мѣсто послѣднему въ сферѣ семейственнаго и наслѣдственнаго правъ крестьянскаго населенія. Дѣло дошло до того, что министерство сочло себя вынужденнымъ пріостановить административнымъ порядкомъ дѣйствіе тѣхъ частей австрійскаго кодекса, которыя находились въ коренномъ противорѣчіи съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ (2). Консерватизмъ права проявлялся равнымъ образомъ и въ древнемъ юридическомъ быту восточныхъ, русскихъ Славянъ; онъ проявляется и въ наши дни въ правовомъ быту русскаго народа. Консерватизмъ древне-русскаго права выражался въ привязанности народа къ своей старинѣ, къ своимъ „*пошлинамъ*", къ „закону отецъ своихъ и преданіямъ". Мы знаемъ что восточные Славяне, призвавъ къ себѣ варяжскихъ князей, обязуютъ ихъ судить „*по праву*"; мы знаемъ что Новгородцы и въ послѣдующіе вѣка требовали отъ князей своихъ клятвеннаго обѣщанія держать ихъ „по старинѣ", „по старой пошлинѣ". *Ряды* или *порялы* князей съ земщинами имѣли въ

---

(1) В. Богишичь: О научной разработкѣ исторіи славянскаго права. Заря, 1870 г., кн. 6, отд. II., стр. 43.

(2) Ibidem, стр. 52.

удѣльно-вѣчевой періодъ примѣненіе и по отношенію къ другимъ русскимъ волостямъ; до насъ не дошли тексты этихъ рядныхъ записей, но не можетъ тѣмъ не менѣе быть никакого сомнѣнія въ томъ, что однимъ изъ существеннѣйшихъ условій ихъ было сохраненіе старинныхъ правъ волостей, ихъ „старины“ и „пошлинъ“. Извѣстно далѣе что Псковская Судная Грамота 1467 г., важнѣйшій послѣ Русской Правды памятникъ древнѣйшаго русскаго права, составленъ изъ „Псковскихъ пошлинъ“, т. е. записанныхъ нормъ древняго обычнаго права; письменную формулировку старыхъ обычаевъ—„пошлинъ“—представляютъ и всѣ другіе памятники древняго законодательства нашего. Желаніемъ сохранять старыя обычныя права, стремленіемъ гарантировать силу ихъ отъ произвола правительственныхъ судей, долженъ быть объясняемъ и древне-русскій институтъ *судныхъ мужей* или *цѣловальниковъ*, т. е. выборныхъ отъ земщины лицъ, присутствующихъ на судѣ княжескихъ управителей и превозглашающихъ здѣсь дѣйствующія въ народныхъ массахъ нормы обычнаго права.

Тотъ фактъ, что отдѣльныя славянскія племена составляли нѣкогда одно, объединенное общностью духа и единствомъ жизни, цѣлое, затѣмъ тотъ фактъ, что исторія застаетъ славянскія племена обладающими старинными, извѣчными обычными правами, принесенными „изъ за трехъ рѣкъ“, изъ старой родины, составляющими для нихъ „законъ святъ“, „законъ вѣкожизненныхъ боговъ“, „законъ отецъ и преданья“ и, наконецъ, указанный фактъ строгаго консерватизма славянскаго права—всѣ эти обстоятельства, не говоря уже о явно обнаруживающемся сходствѣ нормъ древнѣйшихъ славянскихъ законодательныхъ памятниковъ, даютъ намъ ясно понять что обычныя права славянскихъ народовъ, въ особенности-же въ древнѣйшемъ періодѣ юридической жизни ихъ, не могли отрѣшиться отъ объединявшаго ихъ родственнаго всѣмъ имъ духа. Въ силу этого партикуляризмъ славянскаго права, придавая особые оттѣнки, мѣстный колоритъ отдѣльнымъ отраслямъ послѣдняго, не въ силахъ былъ заглушить общихъ коренныхъ началъ легшихъ въ ихъ основаніе, не въ силахъ былъ заглушить въ нихъ голосъ общеславянскаго правоваго сознанія, отливавшагося у отдѣльныхъ племенъ славянскихъ въ различные по внѣшней формѣ, но въ родственные по духу и кореннымъ началамъ юриди-

ческіе обычаи. Мѣстные оттѣнки, партикулярныя черты, легли лишь верхними слоями въ права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ; дѣло науки осторожно раскрыть эти позднѣйшія, часто быть можетъ случайныя, наслоенія и дойти до центральнаго ядра—представляющаго правовые принципы, общіе для всѣхъ народовъ славянскаго племени.

И такъ *обще-славянскія начала права, какъ непосредственный продуктъ обще-славянскаго юридическаго сознанія—вотъ тотъ общій и первоначальный источникъ, изъ котораго почерпали свое содержаніе права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ*, а слѣдовательно и право восточныхъ, русскихъ Славянъ.

II.

Наука не можетъ довольствоваться однимъ знаніемъ источника, изъ котораго почерпали свой духъ и свое содержаніе права народовъ славянскихъ; она должна вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что именно давалъ этотъ источникъ, другими словами, въ чемъ именно заключались коренныя начала обще-славянскаго права. Знаніе формы, безъ знанія содержанія послѣдней, сдѣлалось бы лишь нравственною пыткою для изслѣдователя и закрыло-бы для него надежду на успѣшное и плодотворное примѣненіе сравнительнаго метода къ изученію какой-бы то ни было отрасли славянскаго права. Такимъ оброзомъ возникаетъ слѣдующій вопросъ: *существуютъ ли средства познанія коренныхъ началъ обще-славянскаго права?* Подобныя средства существуютъ. Имѣя въ виду то обстоятельво, что прово каждаго народа есть непосредственное отраженіе духовной жизни и міросозерцанія его,—мы можемъ постигнуть принципы права этого народа, разсматривая внѣшнія проявленія правоваго сознанія его въ связи со всѣми остальными духовными проявленіями народной жизни. Относящіеся сюда источники познанія правовыхъ началъ весьма разнообразны,—вообще же они могутъ быть раздѣлены на *источники непосредственные* и на *источники посредственные.* Источники перваго рода называемъ мы непосредственными въ томъ смыслѣ, что въ нихъ непосредственнымъ, прямымъ образомъ находитъ себѣ выраженіе народное сознаніе о правѣ, эти источники представ-

яютъ изъ себя средство примѣненія къ практической жизни народнаго сознанія о правѣ и неправдѣ. Здѣсь это сознаніе находитъ себѣ внѣшнюю форму выраженія, подобно тому какъ и мысль человѣческая находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ словѣ. Что касается посредственныхъ источниковъ познанія правовыхъ началъ,—то отличіе ихъ отъ источниковъ непосредственныхъ заключается въ томъ, что они возникли *не во имя права*, не для цѣлей практическаго примѣненія правовыхъ понятій народа и не имѣютъ непосредственнымъ назначеніемъ своимъ внѣшняго выраженія юридическаго сознанія народа; но, тѣмъ не менѣе, служа выраженіемъ различныхъ другихъ сторонъ духовной жизни народа, слѣдовательно черпая свое содержаніе изъ того-же духовнаго источника, изъ котораго черпаютъ свое содержаніе и непосредственныя проявленія правоваго сознанія его— они мимоходомъ, какъ-бы случайно и обыкновенно совершенно безсознательно, отражаютъ въ себѣ и чисто правовыя воззрѣнія народа.

Обратимъ наше вниманіе прежде всего на обзоръ *непосредственныхъ источниковъ* познанія принциповъ древняго обще-славянскаго обычнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принциповъ древняго обычнаго права русскихъ славянъ. Къ числу источниковъ этого рода должны быть отнесены: a) Юридическіе символы, b) Юридическія формулы, c) Юридическая терминологія, d) Историческое обычное право отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и e) Славянскіе законодательные сборники.

Символизмъ права есть первый по времени непосредственный источникъ познанія правовыхъ принциповъ. Юридическое сознаніе всякаго народа до тѣхъ поръ не получаетъ значенія права, пока оно не выразится какимъ либо образомъ во внѣшности, пока оно не облечется въ ту или другую матеріальную оболочку. Юридическій бытъ первобытнаго народа не представляетъ твердой и правильной системы жизни, самое право, весьма мало отличающееся еще отъ сознанія, представляется на первыхъ порахъ шаткимъ, неустойчивымъ; вслѣдствіе этого народъ стремится придать извѣстнаго рода твердость, извѣстнаго рода устойчивость, проявляющемуся во внѣшности юридическому сознанію своему, для чего считаетъ цѣлесообразнымъ облечь его въ тѣ

или другія внѣшнія формы, въ тѣ или другіе обряды. Этимъ объясняется формализмъ, строгая внѣшняя обрядность первобытнаго права всякаго народа. Формальный, обрядовый характеръ древняго права прежде всего выражается въ его *символизмѣ*, въ извѣстныхъ внѣшнихъ, формальныхъ дѣйствіяхъ, символахъ, въ которые облекаетъ онъ юридическія понятія свои. Младенческій народъ не въ состояніи еще отвлекать юридическаго понятія отъ порождающаго его видимаго предмета или отношенія. Для него немыслимо, напримѣръ, совершеніе договора купле-продажи или даренія безъ видимаго, безъ осязательнаго перехода объекта изъ владѣнія одного лица во владѣніе другаго; немыслимъ, напримѣръ, судъ объ извѣстномъ предметѣ, безъ присутствія па судѣ спорной вещи и безъ символическаго изображенія борьбы изъ за-него; немыслимо отвлеченное понятіе о власти мужа надъ женою безъ символическаго дѣйствія разуванія женою ноги мужа; немыслимо отвлеченное понятіе объ общеніи жизни супруговъ безъ символическаго обрученія кольцами и вкушенія питія или кушанья изъ одного сосуда (confarreatio); для заключенія искусственнаго братскаго союза, такъ называемаго *побратимства* (весьма распространеннаго среди народовъ славянскаго племени), необходимымъ считается искусственное, видимое смѣшеніе крови и т. п. Юридическіе символы, имѣя тѣсную и непосредственную связь съ народнымъ сознаніемъ о правѣ, вводятъ насъ въ таинственную область древнѣйшаго народнаго права, знакомятъ насъ съ процессомъ первобытной формаціи его, съ первыми попытками народа облечь въ видимую форму правовыя понятія свои, даютъ намъ возможность перенести правовыя научныя изысканія въ ту отдаленную, сокровенную, сѣдую старину, которая долго считалась непроницаемою для самаго пытливаго изслѣдованія. Служа источникомъ познанія началъ древнѣйшаго права, юридическіе символы вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываютъ намъ характеръ древнѣйшаго народнаго быта и многія любопытныя, и инымъ путемъ непознаваемыя, черты общественной и частной сторонъ жизни народа.

Изъ значенія юридическихъ символовъ, какъ средства познанія древнѣйшаго права, открывается крайняя важность этого источника для извлеченія принциповъ древняго общеславянскаго обычнаго права вообще, и русскаго въ частности. Собираніе, изслѣдованіе и сопоставленіе юридическихъ

символовъ, сохранившихся въ правовомъ быту отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, должно неминуемо пролить свѣтъ на древнѣйшее славянское обычное право, открывъ путь къ познанію юридическихъ понятій и духовныхъ началъ, легшихъ въ основу развитія его. Съ другой стороны, изученіе символизма русскаго права, какъ въ его прошедшемъ, такъ и въ его настоящемъ, въ связи съ изученіемъ символизма славянскаго права вообще, — укажетъ на связь и отношеніе его къ послѣднему, и дастъ быть можетъ возможность понять въ древнѣйшемъ юридическомъ быту нашемъ многое изъ того, что до сихъ поръ кажется необъяснимымъ. Настоятельность изученія символизма русскаго права, въ связи съ символизмомъ правъ остальныхъ славянскихъ народовъ, была еще въ 1839 г. сознаваема и указываема *проф. Колмыковымъ*, придававшимъ этому вопросу значеніе первостепенной важности. „Мнѣ утѣшительно думать, заявлялъ этотъ почтенный ученый, что сдѣланные мною намеки и указанія не останутся безплодными для науки, что они обратятъ вниманіе нашихъ ученыхъ на символизмъ права русскаго. Эта важная сторона юридической жизни нашихъ предковъ можетъ быть съ успѣхомъ прояснена только чрезъ изученіе всѣхъ письменныхъ преданій старины русской и *чрезъ сравнительное разсмотрѣніе всѣхъ правъ славянскихъ*" [1]. Ожиданія пр. Калмыкова къ сожалѣнію не оправдались: символизмъ русскаго права, не только въ сравнительномъ изученіи его въ связи съ символизмомъ обще-славянскаго права, но даже и въ абсолютномъ изученіи своемъ, продолжаетъ представлять почти нетронутую почву для будущихъ изслѣдователей этой интересной стороны русскаго юридическаго быта [2].

---

(1) Рѣчь Колмыкова: «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности», Спб. 1839 г., стр. 92.

(2) Изъ русскихъ изслѣдованій, затрогивавшихъ вопросъ о символизмѣ права, могутъ быть указаны, кромѣ рѣчи Колмыкова, трудъ *А. Г. Станиславскаго*: «Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества», Казань, 1842 г.; Рѣчь *С. М. Шпилевскаго*: «Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства», Казань, 1862 г.; сочиненіе *Ѳ. Леонтовича*: «Исторія русскаго права», I вып. Одесса, 1869 г. Относительно символизма славянскаго права вообще богатыя данныя представляетъ трудъ *В. Богишича*: «Prawni običaji u Slovena», Загребъ, 1867 г.

Слѣдующій по времени непосредственный источникъ познанія обычнаго права представляютъ *юридическія формулы*.

Юридическія формулы—это краткія изрѣченія въ которыхъ народъ, находящійся на низкой еще ступени правового развитія, стремится выразить юридическія понятія свои. Юридическія формулы представляютъ такимъ образомъ первую попытку народа формулировать въ словѣ представляющія для него наибольшую степень интереса нормы и отношенія обычнаго права, въ видѣ легко запоминаемыхъ въ памяти и выраженныхъ въ звучной, мѣрной и сжатой рѣчи юридическихъ изрѣченій. Представляясь по внѣшней формѣ аналогичными пословицамъ, формулы различаются отъ послѣднихъ тѣмъ что онѣ, являясь выраженіемъ въ словѣ народнаго сознанія о правѣ, создаются во имя самаго права, въ видахъ его охраненія или примѣненія, тогда какъ пословицы не преслѣдуютъ такихъ исключительныхъ цѣлей, хотя весьма многія изъ нихъ и носятъ характеръ вполнѣ юридическій. Въ практическомъ примѣненіи своемъ къ дѣйствительной жизни, формулы соединяются нерѣдко съ символами, вмѣстѣ съ которыми и обусловливаютъ формализмъ древняго права; совершеніе символическаго дѣйствія соединяется въ подобныхъ случаяхъ съ произнесеніемъ извѣстныхъ торжественныхъ словъ, выраженныхъ въ видѣ формулъ. При составленіи древнихъ законодательныхъ сборниковъ, въ которые заносились нормы обычнаго права, цѣликомъ и въ большемъ количествѣ входили въ нихъ обыкновенно, въ качествѣ готоваго матеріала, и юридическія формулы, присутствіемъ которыхъ и объясняется та сжатость, энергія, плавность и звучность выраженія, которыми характеризуется слогъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ. Несомнѣнные слѣды юридическихъ формулъ усматриваются и въ древнихъ памятникахъ славянскихъ законодательствъ. Здѣсь, между прочимъ, остатками древнихъ формулъ должны быть признаваемы тѣ или другія обрядовыя слова, произнесеніе которыхъ предписывается, напримѣръ, лицамъ участвующимъ въ извѣстномъ процессуальномъ актѣ, и которыя точнѣйшимъ образомъ передаются въ законодательномъ памятникѣ. Пока не было составляемо законодательныхъ сборниковъ, эти обрядовыя слова хранились въ народной памяти; составители сборниковъ, занося въ пос-

лѣдніе существеннѣйшія нормы обычнаго, какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго права, записали въ нихъ и такимъ образомъ сохранили для потомства и эти обрядовыя, формальныя слова. Торжественныя, обрядовыя формулы, примѣнявшіяся въ древнѣйшемъ русскомъ правовомъ быту встрѣчаются между прочимъ и въ Русской Правдѣ. Такъ, этотъ законодательный памятникъ, запрещая лицу узнавшему у другаго лица свою украденную вещь говорить послѣднему „се мое", предписываетъ обращаться къ нему съ слѣдующими формальными словами: *„поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ"*. Истецъ, желавшій начать тяжбу на основаніи свидѣтельства даннаго холопомъ—которое по древне-русскому обычному праву не могло имѣть силы—долженъ былъ обратиться къ противнику съ обрядовою фразою: *„по сего рѣчи* (т. е. на основаніи словъ раба) *азъ емлю тя, а не холопъ"*. Или, напримѣръ, при процессѣ по поводу процентнаго займа тяжущійся, выигрывавшій дѣло вслѣдствіе того что противникъ его не выставлялъ свидѣтеля, долженъ былъ сказать ему: *„провиновался еси* (т. е. проигралъ дѣло), *оже еси послоуха не ставилъ"*. Несомнѣнными остатками древнихъ юридическихъ формулъ представляются и слѣдующія выраженія Русской Правды: *„А въ малѣ тяжѣ, по ноужѣ, сложити на закупа"*, или: *„Како ся боудетъ рядилъ, на томъ-же стоитъ"*, или: *„убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови"*, или: *„А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣту"*, или: *„А соуднымъ кунамъ росту нѣтъ"*, или: *„Вдачь не холопъ, и ни по хлѣбѣ робятъ, ни по придатцѣ"* и т. п. (¹). Значительное количество обрядовыхъ выраженій, носящихъ слѣды тѣснѣйшаго родства съ древними юридическими формулами и, по всей вѣроятности, составляющихъ остатки послѣднихъ, встрѣчается въ древне-русскихъ юридическихъ актахъ, и преимущественно въ древнѣйшихъ (Новгородскихъ и Двинскихъ). Этими обрядовыми, формальными выраженіями—являющимися обыкновенно буквально тожественными въ актахъ одного и того-же рода—контрагенты опредѣляли сущность и предметъ заключаемаго ими договора. Тожественность этихъ

(¹) Н. В. Калачовъ. Текстъ Русской Правды I. статья 1. 13; II, ст. 59, 81, 84, 105; III, 18, 48. 121 и др.

выраженій ясно указываетъ намъ на то, что они, въ качествѣ нормъ неписаннаго обычнаго права, хранились въ памяти знатоковъ обычнаго гражданскаго права и, когда доводилось совершать письменный договоръ, буквально заносились въ текстъ послѣдняго. Подобнаго рода предположеніе получитъ значительную степень вѣроятности если мы вспомнимъ, что древнее русское законодательство почти не затрогивало сферу частнаго, гражданскаго права, и что послѣдняя регулировалась исключительно почти нормами неписаннаго обычнаго права, жившими въ памяти самаго народа. Остатки юридическихъ формулъ особено часто находимъ мы въ грамотахъ духовныхъ, купчихъ, раздѣльныхъ, поручныхъ, рядныхъ, сговорныхъ, отпускныхъ и т. п. актахъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, преимущественно въ Актахъ Юридическихъ и въ Актахъ относящихся до юрид. быта древней Россіи. Въ купчихъ грамотахъ слѣдующимъ одинаковымъ образомъ выражается, напримѣръ, мысль объ окончательномъ, безповоротномъ переходѣ при договорѣ купле-продажи отчуждаемаго права собственности: *„Купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ* (или: *и своей братьѣ*) *одеренъ“*; *„купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ одеренъ и вѣвки“* (¹), или, напримѣръ, слѣдующимъ фигурнымъ образомъ выражается мысль объ отчужденіи права собственности въ томъ-же объемѣ, въ какомъ находилось оно у продающаго: *„А межи тое земли по старымъ межамъ“*, (²) или: *„продалъ со всѣмъ что изстари потягло.... куда плугъ, соха, топоръ и коса ходили“* (³); или напримѣръ, въ одной купчей грамотѣ продавецъ слѣдующимъ образомъ выговариваетъ себѣ право первой покупки продаваемой имъ земли въ томъ случаѣ, если покупщикъ вздумаетъ отчуждать ее: *„А буде Тируну* (имя покупщика) *не до земли, ино мимо земца не продати“* (⁴). Въ раздѣльныхъ грамотахъ актъ раздѣла закрѣплялся слѣдующимъ обрядовымъ выраженіемъ: *„А сей намъ дѣлъ крѣпокъ и въ вѣкъ“* (⁵); поручныя записи закрѣп-

(¹) А. Ю. № 71 (II—IV, VI—XII, XXI, XXII, XXXV и др.

(²) А. Ю. № 71 (II, VIII, XVI, XXXVII).

(³) А. Ю. №. 75—78, 80, 82, 83—86, 88, 89 и мн. др.

(⁴) А. Ю. № 71 (XXIII).

(⁵) А. Ю. № 260 (I, II).

лялись всегда слѣдующимъ формальнымъ обязательствомъ, неизмѣнно и буквально повторяющимся во всѣхъ актахъ этого рода и выражающимъ собою солидарную отвѣтственность поручителей: *„Кои поручиковъ въ лицѣхъ, на томъ и порука“*, а также и слѣдующими формальными словами, выражающими собою то юридическое послѣдствіе поручительства, по которому съ извѣстнаго момента личность поручителя, по отношенію къ отвѣтственности, замѣняетъ собою личность того субъекта за котораго онъ поручился: „А не учнетъ онъ (или: а учнетъ онъ, или: а не заплатитъ онъ и т. п.).... и *наши поручиковы головы въ его* (лица за которое дано поручительство) *голову мѣсто*“ (1). При договорѣ заклада, желая выразить фактъ пріобрѣтенія залогопринимателемъ послѣ просрочки заложеннаго имущества полнаго права собственности на послѣднее, контрагенты допускали фиктивное превращеніе кабальной записи въ купчую крѣпость, чему соотвѣтствовало слѣдующе формальное выраженіе, включавшееся въ кабальныя записи: *„А поляжетъ серебро* (т. е. ссуда) *по сроцѣ, ино ся кабала и купчая“*, или: *„А не выкуплю на срокъ—ино ся кабала и купчая“* (2). Существовали, наконецъ, особаго рода торжественныя формулы, которыми придавалась на будущее время сила, неизмѣнность и ненарушимость совершаемому договору; такъ свадебныя, сговорныя, раздѣльныя, отпускныя и др. записи, всегда закрѣплялись слѣдующими словами: *„ся запись и впредъ запись, договоръ въ договоръ, и дѣлъ въ дѣлъ, безповоротно“*, или: *„а ся запись и впредъ запись, и сговоръ, въ сговоръ, отпускная въ отпускную“* (3).

Слѣды юридическихъ формулъ встрѣчаются и въ древнѣйшихъ законодательныхъ сборникахъ юго-западныхъ славянъ,—въ чемъ легко убѣдиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними. Отрывочность, сжатость, звучность и энергія опредѣленій ихъ, ясно указываютъ на то, что они составлены изъ отдѣльныхъ юридическихъ сентенцій, изъ

---

(1) А. Ю. №№ 289, 290 (III, V, VII, IX, XI), 291 (I—II), 296 (I—III); А. отн. до юр. б. др. Р. II, столб. 788—790; Собр. Гос. Гр. и Дог. I. №№ 178, 180, 194 и др.

(2) А. отн: до юр, б. др. Рос., II, столб. 6 (IV), 5 (III), 7 (VI), 14, 15, 19, 21 и др.

(3) А. Ю. №№ 268, 399—401.

отдѣльныхъ формулъ, въ которыхъ впервые получили письменную форму нормы обычнаго права, до тѣхъ поръ хранившіяся въ памяти народа. Подобно тому какъ и въ Русской Правдѣ, въ законодательныхъ памятникахъ юго-западныхъ славянъ указывается не только самый порядокъ тѣхъ или другихъ процессуальныхъ дѣйствій, но указываются даже самыя фразы,—отличающіяся всегда краткостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силою выраженія,—которыми сопровождается ихъ совершеніе. Такъ, *Винодольскій Законъ* предписываетъ ссылаться на свидѣтелей слѣдующими словами: *„Та и таковъ вй, да тако э“*, на что противная сторона, желавшая парализировать показаніе ихъ ссылкою на своихъ свидѣтелей, возражаетъ: *„А та и таковъ вй, да тако нй“* (1). Равнымъ образомъ лице, желавшее обвинить кого либо въ преступленіи, должно было выразить передъ судомъ свое обвиненіе въ слѣдующей формѣ: *„Я теби показую такова од такове ричи“*, или *„Тебѣ дим, да таков э учиниль такову рич“*. (2). Даже самое пресѣченіе совершающагося преступленія было обставлено особаго рода формальностью; лице застающее совершающееся преступленіе должно было воскликнуть: *„помогайте!“*, въ противномъ случаѣ „неоклицованный“ преступникъ не могъ быть подвергнутъ высшей мѣрѣ наказанія (3). Въ древнѣйшемъ сербскомъ законодательномъ

---

(1) Винодольскій Законъ. § 47. (Чтенія въ М. Общ. Ист. и Др., 1846. № 4). Приведенныя формальныя выраженія, влагаемыя въ уста сторонъ Винодольскимъ Закономъ, не слѣдуетъ считать простымъ, примѣрнымъ только указаніемъ на порядокъ состязанія ихъ. Несомнѣнно то, что Законъ требовалъ отъ сторонъ ссылки на свидѣтелей *именно* въ такихъ выраженіяхъ, конечно только съ соотвѣтственною замѣною мѣстоимѣній *то* и *таковъ* именами собственными. Извѣстно, что и въ древне-русскомъ процессѣ (даже въ Московскій періодъ), судебное состязаніе сторонъ происходило въ внѣшней, обрядовой, обычаемъ освященной формѣ, въ видѣ формальныхъ изреченій. Нарушеніе этой формальности выраженій, такъ называвшаяся *промолвка*, влекло нерѣдко весьма невыгодныя послѣдствія для нарушителя. Извѣстенъ разсказъ Татищева о томъ, какъ одинъ истецъ потерялъ искъ единственно только потому что, сославшись на свидѣтелей, не заключилъ своей ссылки обрядовыми словами: «и на тѣхъ шлюся», (Кавелинъ: Сочиненія. I, 156; Татищевъ: Судебн. § 70 (примѣчаніе)).

(2) Винодольскій Законъ. § 60 (Чтенія. 1846 г. № 4).

(3) Ibid. § 7, 9.

сборникѣ—*Законникъ короля Стефана Душана* (полов. XIV в.), встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе, носящее характеръ формулы: *„За невѣру вьсаку сьгрѣшеніе братъ за брата и отьцъ за сына, родимъ за родима“*; которымъ опредѣляется круговая отвѣтственность нераздѣленныхъ родственниковъ за преступленіе одного изъ нихъ (1). Или, напримѣръ, опредѣляя взаимныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на общинной землѣ, Законникъ выражается: *„Како плату платаю и работу работаю, такози и землю да дръже“* (2). Характеръ юридической формулы носитъ и слѣдующее краткое, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильное и звучное опредѣленіе Законника, составляющее собою отдѣльную статью: *„Залоге, коудѣ се обрѣтаю да се откоупаю“* (3), (т. е. залоги должны быть выкупаемы, гдѣ находятся). Лице доказывающее свое право собственности пожалованіемъ его государемъ, говоритъ на судѣ: *„Далъ ми есть господинъ царь, како есть дръжалъ мои дроугъ прѣге мене“*. (4). Характеръ формулы носитъ и слѣдующее выраженіе Законника: *„Жоупа жоупѣ да не попаса добитькомъ нища“* (5), опредѣляющее взаимную неприкосновенность жупныхъ пастбищъ; послѣ этого краткаго, видимо съ памяти записаннаго опредѣленія, стоящаго во главѣ статьи озаглавленной „о жоупѣ и о попаши“— идутъ дальнѣйшія опредѣленія, носящія характеръ комментарій къ нему. Въ Судебникѣ короля Казиміра Ягелловича (1488 г.) встрѣчаемъ формулу: *„А надъ злодѣемъ милости не надобѣ“* (6), напоминающую опредѣленіе нашей Псковской Судной Грамоты: *„А кромскому татю, и коневому, и переветнику, и зажигалнику, тѣмъ живота не дати“* (7).

Если уже поверхностный просмотръ памятниковъ древняго законодательства славянскихъ народовъ открываетъ несомнѣнные признаки присутствія въ нихъ юридическихъ

---

(1) Законникъ Ст. Душана, изд. Зигеля, Спб. 1872 г. I, статья 51

(2) Ibid. Статья 66.

(3) Ibid. Статья 90.

(4) Ibid. Ст. 78.

(5) Ibid. Ст. 74.

(6) Влад.-Будановъ: Христ. II. Судебн. короля Каз. Ягел. 1488 г., ст. 12.

(7) Пск. Судн. Гр., 2 изд. Мурзакевича, стр. 2.

формулъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что глубокое и тщательное изслѣдованіе ихъ съ этой точки зрѣнія, откроетъ обильное поле для изученія формализма древне-славянскаго права вообще, и русскаго въ частности [1]: Но главный матеріалъ для возстановленія древнихъ юридическихъ формулъ должны дать юридическіе акты и грамоты, въ которыхъ живо обрисовывается болѣе или менѣе ясная картина правоваго быта всякаго народа.

Востановленіе юридическихъ формулъ по памятникамъ и. источникамъ правоваго быта отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а въ числѣ ихъ и русскаго, и ихъ взаимное сопоставленіе и обобщеніе—дастъ важную руководящую нить къ познанію коренныхъ основъ древняго обще-славянскаго обычнаго права.

Въ связи съ юридическими формулами можетъ быть поставлена въ качествѣ непосредственнаго источника познанія духа древняго обычнаго права и ю р и д и ч е с к а я т е р м и н о л о г і я съ той именно точки зрѣнія что термины, подобно формуламъ, являются попыткою народа выразить въ одномъ словѣ сущность цѣлаго юридическаго дѣйствія или отношенія. Извѣстный чешскій ученый *Я. Э. Воцель*, сопоставляя слова существующія у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ для выраженія различнаго рода понятій и предметовъ,—приходитъ къ тому выводу, что названія понятій и предметовъ одинаковыя у всѣхъ славянскихъ народовъ по звукамъ и значенію, сформировались у славянъ еще до разселенія ихъ, въ ту эпоху, когда они составляли цѣлую, нераздѣленную единицу. Прослѣдивъ эти общія для всѣхъ славянъ названія различнаго рода предметовъ, какъ духовнаго, такъ и вещественнаго міра—заявляетъ Воцель—можно взстановить до извѣстной степени картину древнѣйшаго быта и цивилизаціи славянъ въ эпоху предшествовавшую ихъ разселенію [2].

---

(1) Вопросъ о юридическихъ формулахъ затрогиваютъ: *Снегиревъ*, въ св. сочин. «Русскіе въ своихъ пословицахъ», М. 1831, кн. III, стр. 254 и слѣд.; *Станиславскій*: «Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества»; *Шпилевскій*: «Объ источникахъ русскаго права и пр»; *Леонтовичъ*: «Ист. русскаго права»; *Богишичъ*: «Provni običaji u Slovena».

(2) Я. Э. Воцель: Древнѣйшая бытовая исторія славянъ вообще и Чеховъ въ особенности. Перев. съ чешскаго. Кіевъ, 1875 г. Глава II.

Съ той-же точки зрѣнія можетъ быть выведена и крайняя важность юридической терминологіи для объясненія древнѣйшаго юридическаго быта славянъ. Юридическая терминологія можетъ указать намъ что извѣстныя формы и отношенія правоваго быта извѣстны были древнимъ славянамъ еще до разселенія ихъ изъ первоначальной родины—коль скоро названія имъ соотвѣтствующія являются общими у всѣхъ народовъ славянскаго племени, что другія формы и отношенія его выработались у извѣстнаго славянскаго народа уже послѣ выселенія его изъ старой родины, что третьи формы и отношенія его являются заимствованными отъ сосѣднихъ народовъ, не коренясь въ почвѣ древняго общеславянскаго права.

Отсюда открывается важное значеніе юридической терминологіи, какъ подспорья при изученіи исторіи права. Можно безъ всякой натяжки сказать что она, при правильномъ и научномъ пониманіи ея, введетъ насъ въ таинственную область древняго общественнаго и правоваго быта; такъ обширный кругъ терминовъ употребляемыхъ въ извѣстномъ народѣ для обозначенія различныхъ сторонъ отношеній мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родственниковъ къ младшимъ, затѣмъ степеней родства, далѣе термины употребляющіеся для обозначенія семейственной или родовой собственности, для обозначенія различныхъ предметовъ наслѣдственнаго права,—раскрываютъ передъ нами пространное поле для изученія различныхъ сторонъ древняго семейнаго и наслѣдственнаго правъ. Примѣненіе изученія юридической терминологіи къ познанію началъ древняго обычнаго права представляется дѣломъ весьма сложнымъ и далеко не легкимъ, требуя отъ изслѣдователя, кромѣ знакомства съ исторіею вообще и исторіею права въ частности, также и глубокаго знанія исторіи языка; на этой почвѣ филологія должна очевидно прійти на помощь къ наукѣ исторіи права,—и нѣтъ сомнѣнія что союзъ этихъ двухъ наукъ принесетъ въ будущемъ крайне плодотворные результаты.

Четвертый непосредственный источникъ познанія началъ древнѣйшаго славянскаго права представляетъ н о в ѣ й ш е е, с р а в н и т е л ь н о, о б ы ч н о е п р а в о отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, которое во многихъ отношеніяхъ своихъ и до нашихъ дней носитъ слѣды глубокой древности. Мы уже ознакомились съ тою типичною чертою присущею обычному праву

славянскихъ народовъ, которая можетъ быть названа началомъ консерватизма его и которая заключается въ ярой приверженности славянъ къ своимъ обычаямъ, въ стремленіи сохранять неизмѣнною національную чистоту ихъ. Этотъ консерватизмъ славянскаго обычнаго права придаетъ ему въ полномъ смыслѣ этого слова значеніе права историческаго,— начало котораго затеряно въ глубинѣ минувшихъ вѣковъ исторической жизни того или другаго славянскаго народа. Особенною древностью и особенною жизненною силою отличаются обычаи, относящіеся къ сферамъ правъ семейственнаго и наслѣдственнаго, дѣйствующія въ средѣ крестьянскаго населенія. Мы видѣли уже безуспѣшность попытки австрійскаго правительства замѣнить обще-имперскимъ гражданскимъ кодексомъ обычныя права, дѣйствующія въ средѣ крестьянскаго хорвато—далмацкаго населенія. Изъ исторіи русскаго гражданскаго права извѣстна также неудачная попытка Петра I ввести въ русскій правовой бытъ начало наслѣдованія по майорату, которое рѣзко противорѣчитъ славянскимъ началамъ наслѣдованія и которое, не привившись къ русской жизни, было отмѣнено черезъ 15 съ небольшимъ лѣтъ послѣ его введенія. Наконецъ и современное намъ отечественное законодательство, преклоняясь передъ жизненною силою обычнаго права, предоставляетъ ему значительную сферу примѣненія въ мировыхъ и, главнымъ образомъ, въ крестьянскихъ судахъ. Новѣйшія изслѣдованія по обычному праву славянскихъ народовъ (1), труды по славянской этнографіи, наконецъ многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ и бытописателей,—ясно доказываютъ, что нормы и отношенія обычнаго права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ и до нашихъ дней сохраняютъ еще слѣды весьма близкаго родства, что особенно рѣзко проявляется по отношенію къ правамъ семейственнымъ и наслѣдственнымъ. Древность обычныхъ правъ, дѣйствующихъ среди народовъ славянскаго племени съ одной стороны, и родственная связь обнаруживающаяся между ними съ другой стороны—открываютъ плодотворную возможность сравнительнаго изученія

---

(1) Именно труды Богишича: Prowni običaji u Slovena», Загребъ, 1867 г. и «Zbornik sadasnjih pravnih obicaju u juznih Slovena», 1874 г. Также Demelić: Le droit coutumier des slaves meridionaux, d'après les recherches de M. V. Bogisić (Revue de legislation etc., ed. par Laboulaye. Paris, 1876. № 3 et suiv.

обычаевъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ въ видахъ познанія коренныхъ принциповъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права.

Пятымъ и послѣднимъ источникомъ познанія основъ древне-славянскаго обычнаго право являются древніе письменные памятники законодательства отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и русскаго,— представляющіеся какъ въ видѣ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, такъ и въ видѣ цѣлыхъ-законодательныхъ сборниковъ. Значеніе древнихъ законодательныхъ памятниковъ для познанія началъ обще-славянскаго права основывается на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ нихъ находили себѣ отраженіе примѣнявшіяся въ средѣ народа нормы неписаннаго, обычнаго права, изъ которыхъ многія, утратившись въ современной системѣ обычнаго права, только и могутъ еще быть возстановлены на основаніи этихъ памятниковъ; обычное-же право отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, какъ мы это уже замѣтили, не только въ древнія эпохи развитія своего, но даже въ значительной степени и до нашихъ дней,—является отголоскомъ древнѣйшаго, до-историческаго обще-славянскаго обычнаго права. Для того что-бы полнѣе убѣдиться въ томъ, что древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства дѣйствительно являются непосредственнымъ отраженіемъ современнаго имъ и предшествовавшаго имъ обычнаго права,—прослѣдимъ въ краткомъ очеркѣ исторію возникновенія важнѣйшихъ законодательныхъ сборниковъ у отдѣльныхъ народовъ славянскаго племени.

Начнемъ съ *Богеміи* и *Моравіи*.

Послѣ Черногорцевъ, Чехи являются славянскимъ народомъ, долѣе всѣхъ остальныхъ обходившимся безъ письменнаго законодательнаго сборника, регулировавшимъ отношенія юридическаго быта своего нормами стариннаго обычнаго права, долѣе всѣхъ жившимъ по „закону святу“ отцевъ и дѣдовъ своихъ. Древнѣйшею-же формою чешскаго законодательства являются *nalezy*, т. е. опредѣленія и судебныя рѣшенія на отдѣльные частные случаи, бывшія результатомъ совѣщаній (polaz) пановъ въ Земскомъ Судѣ, служившемъ органомъ законодательной власти.

Не терпя никакихъ нововведеній въ сферѣ права, паны основывали свои nalez'ы на нормахъ дѣйствовавшаго въ странѣ обычнаго права.

Въ древнѣйшую эпоху жизни чешскаго народа, nalez'ы записывались на дощечкахъ изъ древесной коры или изъ дерева и складывались на храненіе въ особые архивы; здѣсь-же хранились и записанныя на деревѣ постановленія народныхъ собраній (rad). Все что попадало въ подобнаго рода архивы, получало значеніе и силу закона,—а потому весьма понятно, что сюда поступало на храненіе лишь то, что получало санкцію или народной воли, или правительственной законодательной власти. ([1]) Почерпнутыя изъ сферы обычнаго права и записанныя на деревѣ законодательныя нормы получали названіе *досокъ* (dsky), которое удерживалось за ними и въ послѣдующія эпохи, когда деревянныя дощечки были замѣняемы болѣе удобнымъ писчимъ матеріаломъ ([2]). Эти *доски* древняго чешскаго права живо возстановляютъ въ нашемъ представленіи *доски праводатныя*, составлявшія аттрибутъ суда княжны Любуши ([3]). Не смотря на то что доски, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, составили со временемъ громадный и едва доступный для практическихъ цѣлей матеріалъ, тѣмъ не менѣе Чехи тщательно избѣгали составленія изъ нихъ законодательнаго сборника, опасаясь что-бы пробужденная этимъ кодификаціонная дѣятельность не погубила народныхъ обычаевъ ихъ, „того что начертала въ сердцахъ ихъ перстомъ своимъ святая справедливость" ([4]). Такъ какъ древнему чешскому юристу грозила опасность

([1]) *Maciejowskiego:* Historya prowodawstw Słowianskich, wydanie 2. I, 239—240; *Иванишевъ:* Древнее право Чеховъ. Ж. М. Нар. Пр., 1841 г., іюнь. Отд. II. стр. 99.

([2]) Maciejowski. H. pr. S. I, 239—240.

([3]) Въ извѣстной пѣснѣ «О судѣ Любуши», изъ Краледворской рукописи. Кромѣ досокъ законодательныхъ и судебныхъ, у чеховъ существовали также доски записныя (dsky zápisné), раздѣлявшіяся на большія и малыя; на первыхъ записывались сдѣлки имѣвшія предметомъ своимъ переходъ правъ отъ одного лица къ другому; на вторыхъ-же (малыхъ) записывались имущества цѣною не свыше ста копъ. (Иванишевъ. Др. пр. чеховъ. Ж. М. Нар. Пр., іюнь, отд. II. стр. 107); эти *записныя доски* чеховъ очевидно тожественны съ *досками, дсками* или *лубами* древняго русскаго права и, въ частности, Псковской Судной Грамоты. (Полное Собр. Рус. Лѣтоп. III. 30; А. Ю. стр. 3; Пск. С. Гр., изд. Мурзакевича, стр. 2, 3, 5, 6 и др.

([4]) Maciejowski. H. pr. S. I, 240.

растеряться въ обильной массѣ матеріала представляемаго архивами досокъ, то отъ времени до времени были составляемы изъ нихъ, для удобствъ практическаго пользованія, частные сборники, изъ которыхъ извѣстны въ наше время четыре: 1) *Право земли чешской* (Prawo země Ceské), относящійся, по мнѣнію Иванишева, къ первой полов. XIII вѣка, съ содержаніемъ преимущестенно процессуальнымъ; 2) *Рядъ земскаго права* (Rad prowa zemského), относящійся къ полов. XIV в., содержащій преимущественно нормы права уголовнаго; 3) *Толкованіе чешскаго права* (Wyklad prawa ceského), составленный около 1400 г. (по Мацѣевскому во второй полов. XIV в. ([1]) Андреемъ Дубскимъ, съ содержаніемъ смѣшаннымъ (уголовн., гражд. и госуд. право), но главнымъ образомъ все-таки процессуальнымъ; 4) *Девять книгъ о правахъ чешской земли* (Knihy dewatery o práwjch země Ceské)—обширнѣйшій изъ всѣхъ другихъ сборниковъ, составленный Викториномъ Вшегородскимъ въ началѣ XVI вѣка; составитель самъ заявляетъ, что матеріалъ былъ выбранъ имъ изъ старыхъ сгнившихъ земскихъ досокъ ([2]). Лишь къ концу XV вѣка пришли чешскіе государственные чины къ убѣжденію о необходимости составленія оффиціальнаго и обязательнаго для всей земли законодательнаго сборника. Для приведенія въ извѣстность всего законодательнаго матеріала, потребнаго для выполненія задуманной задачи, предприняты были двѣ предварительныя работы. Во первыхъ, разсмотрѣны были всѣ мѣстные архивы и разобраны хранившіеся въ нихъ законодательные акты; во вторыхъ разосланы были по всей землѣ законовѣды, для разбора и приведенія въ извѣстность законодательныхъ досокъ. На основаніи добытаго матеріала приступлено было комиссіею изъ депутатовъ къ кодификаціонной работѣ, и такимъ путемъ *въ 1500 году*, въ правленіе короля Владислава Ягеллончика, *изданъ былъ первый оффиціальный Статутъ чешскаго права* ([3]). Вскорѣ послѣ изданія Статута 1500 года, именно въ 1541 г., истреблено было пожаромъ обширное собраніе старыхъ чешскихъ законодательныхъ досокъ ([4]). Изъ сдѣланнаго нами очерка

([1]) Maciejowski. H. pr. S. стр. 247.
([2]) Иванишевъ. Др. пр. Чеховъ, стр. 101—104.
([3]) Maciejowski. H. pr. S. I. 263.
([4]) Иванишевъ. Др. пр. Чеховъ, стр. 101.

достаточно ясно усматривается, что первый Чешскій Статутъ 1500 г., черезъ посредство вошедшихъ въ основу его досокъ и nalez'овъ—является живымъ отраженіемъ древняго обычнаго права чешской земли. Еще драгоцѣннѣе представляются въ этомъ послѣднемъ отношеніи указанные выше четыре частные сборника чешскихъ правъ, такъ какъ они представляютъ непосредственную выборку матеріала изъ досокъ и возстановляютъ эти послѣдніе памятники древнѣйшаго обычнаго права чешской земли, утраченные для современной науки. Старинное чешское право, по обилію матеріала и по древности послѣдняго, является весьма важнымъ источникомъ для познанія началъ древняго обще-славянскаго обычнаго права; Иванишевъ, серьезно изучавшіи исторію чешскаго права, находитъ что въ законахъ древнихъ Чеховъ славянское право сохранилось въ большей полнотѣ, нежели въ законодательствахъ другихъ славянскихъ народовъ (¹).

Подобно чешскому Статуту 1500 г. и *Моравскіе Статуты*, впервые составленные въ концѣ XI вѣка, въ правленіе князя Конрада, образовались изъ старинныхъ обычныхъ правъ Моравской земли, въ соединеніи съ привиллегіями этого государя (²).

По присоединеніи къ чешскому королевству княжествъ Опольскаго и Ратиборскаго, государственные чины послѣднихъ, въ соединеніи съ представителями княжествъ Глоговскаго, Стржелевскаго, Словатинскаго, Козельскаго и др., уложили для нихъ въ 1562 году особые статуты, положивъ въ основу ихъ давніе обычаи и *свычаи* (zwyklnost). Таково происхожденіе *Слуцкихъ Статутовъ*, которые, какъ и только что разсмотрѣнные Моравскіе Статуты, твердо стоятъ на почвѣ древне-славянскаго обычнаго права (³).

Переходимъ къ обзору происхожденія древнѣйшихъ законодательныхъ сборниковъ *Польскаго королевства*.

По свидѣтельству Мацѣевскаго, древніе поляки жили безъ письменныхъ памятниковъ законодательства, руководствуясь нормами неписаннаго обычнаго права, которыя они съ крайнею неохотою облекали въ форму писаннаго слова.

(¹) Иванишевъ. Др. пр. Чеховъ, стр. 99.

(²) Maciejowski. H. pr. S. I, 267.

(³) Ibid. I. 271.

Отдѣльныя нормы обычнаго права записывались ими лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда вынуждала къ тому крайняя необходимость ([1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ правовомъ быту древнихъ поляковъ возникало то или другое отношеніе, не находившее себѣ опредѣленія въ системѣ дѣйствующаго обычнаго права, тогда юридическое сознаніе ихъ, и помимо внѣшняго законодательства, имѣло возможность разрѣшить спорный случай; Мацѣевскій свидѣтельствуетъ что польскіе земскіе люди (ziemianie) нерѣдко собирались вмѣстѣ и, установивъ извѣстныя правовыя опредѣленія (lauda), давали другъ другу обязательство соблюдать послѣднія ([2]). Отвращеніе поляковъ къ письменной формулировкѣ обычныхъ правъ своихъ послужило причиною того факта, что болѣе или менѣе полнаго собранія ихъ не появлялось вплоть до 1260 года, когда Малая Польша, собравъ обычныя права свои, составила себѣ изъ нихъ первый статутъ; этотъ первый *Малопольскій Статутъ 1260 г.* не дошелъ до нашего времени въ непосредственномъ видѣ своемъ. Примѣру Малой Польши послѣдовала и Великая Польша, также составившая статутъ на основаніи старинныхъ обычныхъ правъ своихъ; годъ составленія *Великопольскаго Статута* точно неизвѣстенъ. Наконецъ въ 1347 году, въ правленіе короля Казиміра Великаго, изданъ былъ общій для обѣихъ частей польскаго королевства *Вислицкій Статутъ*, объединившій и восполнившій собою предшествовавшее законодательство ([3]). Разсмотрѣнные законодательные памятники Польскаго королевства не могли очевидно обнять собою всѣхъ нормъ обычнаго права польскаго народа,—какъ не въ состояніи сдѣлать это ни одинъ законодательный сборникъ; поэтому обычное право продолжало имѣть обширное примѣненіе и значительную жизненную силу и въ послѣдующія эпохи жизни польскаго народа. Такъ мы имѣемъ свидѣтельство, что еще въ 1493 году король Альбрехтъ предписывалъ судьямъ сообразовыться въ юрисдикціи своей съ древними обычаями польской земли ([4]).

([1]) Maciejowski. H. pr. S. I, 183.

([2]) Ibid. I, 216.

([3]) Ibid. I, 183—186.

([4]) Ibid. I, 186 (b.).

Что касается древняго *Сербскаго королевства*,—то и въ немъ обычное право послужило краеугольнымъ камнемъ развитія законодательной дѣятельности и пользовалось обширною сферою жизненнаго примѣненія. Обычное право и до нашихъ дней продолжаетъ регулировать собою весьма многія юридическія отношенія сербскаго народа. По замѣчанію *Караджича*, слово *обичай* до сихъ поръ употребляется въ сербскомъ народѣ какъ синонимъ слова *закон*,—что несомнѣнно указываетъ на громадное значеніе обычая въ сербскомъ правовомъ быту ([1]). Въ противоположность Польшѣ, обычное право уже довольно рано являлось въ Сербіи формулированнымъ на письмѣ въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ сербскихъ королей, или въ видѣ болѣе или менѣе разностороннихъ уставовъ. Древнѣйшимъ изъ изданныхъ до настоящаго времени сборниковъ грамотъ, представляется *сборникъ грамотъ данныхъ* еще *въ 1198 году Хиляндарскому монастырю* сербскимъ королемъ Стефаномъ Неманемъ ([2]). Сербское обычное право имѣло весьма обширное примѣненіе не только во внутреннемъ быту сербовъ, но, какъ это не кажется страннымъ, даже въ юридическихъ отношеніяхъ ихъ къ иностранцамъ, напримѣръ къ Дубровчанамъ и Венеціанцамъ; такъ одна изъ грамотъ короля Стефана Первовѣнчаннаго (1214—1217 гг.) опредѣляетъ, что въ случаѣ несправедливостей возникающихъ между сербами и жителями Рагузы—дѣло должно быть предоставлено судьямъ, для рѣшенія его на основаніи существующихъ обычаевъ. Что сербское народное обычное право не только пользовалось санкціею, но даже и поддержкою правительственной власти, на это указываетъ слѣдующій, весьма любопытный фактъ. Въ 1308 году Дубровчане предлагали сербскому королю Стеф. Милутину замѣнить смертною казнью *вражду*, т. е. денежную пеню за убійство; король отклонилъ это предложеніе, сославшись на нежеланіе проливать кровь своихъ подданныхъ и измѣнить старинный обычай предковъ своихъ ([3]). Обычное право сербскаго народа находило себѣ также выраженіе и въ многочисленныхъ *хрисовулахъ* (грамотахъ), жаловавшихся королями церквамъ, монастырямъ, городамъ и общинамъ.

([1]) Зигель: Законникъ Ст. Душана. Спб. 1872. I, 10—11.

([2]) Maciejowski. H. pr. S. I, 300; Зигель: Зак. Ст. Душ. I, 11.

([3]) Зигель: Зак. Ст. Душана, 12.

Развитіе сербскаго законодательства путемъ изданія королями отдѣльныхъ грамотъ и уставовъ продолжалось вплоть до изданія въ 1349 г. королемъ Стефаномъ Душаномъ своего знаменитаго Законника; въ этихъ грамотахъ и уставахъ получали письменную формулировку обычныя права сербскаго народа, такъ что можно признать за фактъ вполнѣ безспорный что, до самаго изданія этого законодательнаго памятника, обычаями регулировались всѣ юридическія отношенія сербовъ (¹). Наконецъ въ 1349 г. появился въ Сербіи первый общій законодательный сборникъ—*Законникъ короля Стефана Душана*, дополненный въ 1354 году. Источниками Законника Стеф. Душана послужили нормы сербскаго неписаннаго, обычнаго права, торговые договоры съ иностранцами, хрисовулы предшествующихъ государей и наконецъ указы (повелѣнія) самаго короля Душана (²). Торговые договоры съ сосѣдями и хрисовулы королей въ основаніи своемъ имѣли, какъ мы видѣли, нормы обычнаго права,—слѣдовательно и самый Законникъ 1349 г. долженъ быть признанъ законодательнымъ памятникомъ, отразившимъ въ себѣ обычное право сербской земли, а черезъ посредство послѣдняго, и коренныя начала древнѣйшаго обще-славянскаго права. Подобное народное значеніе Законника Ст. Душана вполнѣ признаютъ Мацѣевскій, Шафарикъ, Майковъ, Зигель и др. изслѣдователи (³). По присоединеніи къ Сербіи (въ полов. XIV в.) *царства Болгарскаго* и *банства Боснійскаго*—дѣйствіе Законника Стеф. Душана было распространено и на эти земли (⁴). Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ странахъ, въ эпоху самостоятельнаго существованія ихъ, было собственное, болѣе или менѣе развитое законодательство, въ основѣ котораго опять таки лежало мѣстное обычное право. Древнее законодательство какъ болгарское, такъ и боснійское, развивалось въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ и постановленій государей, изъ которыхъ многія (начиная съ 1186 г.), изданы были въ послѣднее время Шафарикомъ; во второй

(¹) Зигель: Зак. Ст. Душ. I, 13—14. Maciejowski. H. pr. S. I, 301.

(²) Maciejowski: I, 301. Зигель: Зак. Ст. Душ. I, 33, 88.

(³) Maciejowski: H. pr. S. I. 301; Зигель: Зак. Ст. Душ. I, 62—63.

(⁴) Maciejowski: H. pr. S. I, 306.

половинѣ XII вѣка выступали въ обоихъ государствахъ законодателями, въ Болгаріи—*царь Азенъ*, въ Босніи—*банъ Кулинъ* (¹). Болѣе или менѣе полнаго сборника законовъ не было издано ни въ одномъ изъ этихъ государствъ.

Долѣе всѣхъ остальныхъ славянскихъ народовъ обходились безъ письменныхъ законовъ *Черногорцы*, регулируя всѣ отношенія юридическаго быта своего исключительно лишь обычаями своими до самаго конца XVIII вѣка. Лишь въ 1796 г., въ правленіе *владыки Петра I*, составленъ былъ для Черногоріи первый сборникъ писанныхъ законовъ (²). На сколько сильно въ Черногоріи значеніе обычнаго права—это особенно ясно усматривается изъ безуспѣшнаго стремленія черногорскихъ властителей прекратить среди народа обычай кровавой мести. Не смотря на запрещеніе этого исконнаго славянскаго обычая законами 1796 года, не смотря на просьбы владыки Петра I, передъ смертью своею (въ 1830 г.) собравшаго въ Цетиньѣ народъ свой и потребовавшаго отъ него клятвы въ отмѣнѣ кровавой мести, не смотря на вооруженное противодѣйствіе этому обычаю владыки Петра II (³) —обычай кровавой мести и до настоящаго времени не могъ еще быть совершенно искорененъ въ Черногоріи.

Обращаемся къ очерку возникновенія *законодательства Хорвато-Далмацкаго*, которымъ регулировалась юридическая жизнь отдѣльныхъ славянскихъ общинъ, разселенныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адріатическаго моря. Хорватскіе славяне весьма рано были уже знакомы съ письменными законами. Леонтовичъ свидѣтельствуетъ, что Хорваты уже въ X вѣкѣ имѣли свои старинные письменные законы и статуты, изъ числа которыхъ извѣстны въ наше время: a) *Вѣчевой Уставъ 914 г.*, обнаруживающій, по словамъ Леонтовича, значительное сходство съ древними церковными уставами русскихъ князей; b) *Дополнительный къ нему Уставъ 927—928 г.* и c) *Книга законовъ короля Сильвестра 985 г.*,—не дошедшая до нашихъ дней (⁴). Изданіе

(¹) Maciejowski. H. pr. S. I, 305—306.
(²) Ibid. I, 307—308.
(³) Шпилевскій. Союзъ родств. защиты у др. Славянъ и Германцевъ. К. 1866. Стр. 105—106.
(⁴) Леонтовичъ. Древнее Хорвато-Далматское законодательство. Зап. Новорос. Университета. 1868 г., томъ I, вып. 3 и 4. Стран: 4—5.

писанныхъ законовъ продолжалось въ Хорватскихъ земляхъ и въ продолженіе XII—XIII вв., слѣдовательно уже послѣ подчиненія ихъ венгерской коронѣ, причемъ законодательство развивалось съ одной стороны въ формѣ *вѣчевыхъ приговоровъ* (constitutiones), съ другой стороны въ видѣ изданія венгерскими королями *грамотъ различнаго рода* (жалованныхъ, судныхъ, уставныхъ и т. п.), въ которыхъ находили себѣ подтвержденіе старинныя нормы хорватскаго обычнаго права ([1]). Какъ до изданія письменныхъ памятниковъ законодательства всѣ отношенія юридическаго быта Хорватовъ регулировались нормами обычнаго права, такъ и послѣ возникновенія у нихъ писаннаго законодательства обычаи предковъ продолжали служить основнымъ источникомъ послѣдняго ([2]). Мы вполнѣ убѣдимся въ этомъ, разсмотрѣвъ происхожденіе трехъ важнѣйшихъ памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства, именно Винодольскаго закона, Полицкаго Статута и Законовъ города Загреба.

Подробная исторія происхожденія перваго изъ этихъ трехъ законодательныхъ памятниковъ—*Винодольскаго Закона*—излагается въ самомъ предисловіи къ нему. Жители Винодольской области, желая сохранить на будущее время старинные законы свои, которые, не будучи до того времени формулированы на письмѣ, жили еще тѣмъ не менѣе въ памяти старыхъ людей—собрались въ 1280 году *на купъ* (вѣче) въ Новомъ Городѣ (нынѣ Нови) и здѣсь, избравъ старѣйшихъ мужей отъ всѣхъ городовъ земли своей, поручили имъ записать и свести во-едино всѣ тѣ законы, память о которыхъ перешла къ нимъ отъ отцевъ и дѣдовъ ихъ, такъ какъ законы эти, какъ говорится во вступленіи къ Винодольскому сборнику „отъ теперешняго времени и напередъ могли быть оставлены вслѣдствіе забвенія“ ([3]). До изданія Винодольскаго Закона, слѣдовательно до конца XIII вѣка,

---

([1]) Леонтовичъ: Др. Хорв.-Далм. законодательство. стр: 6—7.

([2]) Ibidem. стр: 4. См. также Рейца: Полит. устр. и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи (Въ Сборн. ист. и стат. свѣд. о Россіи, часть II), стр 12.

([3]) Винодольскій Законъ. Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 т. № 4, стр. 7. („... *од сада наприд могу се улетй блуэнь те ричи*“).

жители Винодольской области не знали писанныхъ законовъ, но жили по *„законамъ своихъ отацъ и дедъ и всихъ прьвыхъ“* (1). Самый-же памятникъ этотъ, какъ усматривается изъ исторіи редакціи его—есть ничто иное какъ сборникъ древнѣйшихъ нормъ хорватскаго обычнаго права.

Полнѣйшимъ отраженіемъ мѣстнаго обычнаго права является и законодательный сборникъ Полицкой общины, извѣстный подъ названіемъ *Полицкаго Статута*. Этотъ законодательный памятникъ не дошелъ до нашего времени въ первоначальной редакціи своей, но извѣстенъ въ настоящее время по позднѣйшимъ, и притомъ подвергнувшимся переработкѣ, спискамъ. Равнымъ образомъ не извѣстенъ и самый годъ составленія его; проф. Леонтовичъ полагаетъ что Полицкій Статутъ, по крайней мѣрѣ въ первоначальной, краткой редакціи своей—возникъ быть можетъ почти современно съ нашей Русской Правдой. Будучи построенъ всецѣло на нормахъ древняго устнаго, обычнаго права,—Полицкій Статутъ является, по глубокимъ изслѣдованіямъ проф. Леонтовича, замѣчательнымъ памятникомъ древнѣйшаго славянскаго быта и права и долженъ служить къ объясненію многихъ темныхъ сторонъ древне-славянскаго правоваго быта, извѣстныхъ намъ лишь по смутнымъ указаніямъ законодательныхъ сборниковъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ,—а въ томъ числѣ и нашей Правды, съ которою имѣетъ онъ весьма много общаго (2). Будучи самъ живымъ отраженіемъ народнаго, обычнаго права,—Полицкій Статутъ сознается, что имъ предусмотрѣны далеко не всѣ отношенія юридической жизни, и потому рекомендуетъ судьямъ руководствоваться въ практической дѣятельности своей старыми обычаями (3).

Третій и послѣдній изъ обозрѣваемыхъ нами памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства—это *Законы города Загреба*, составляющіеся, въ сущности, изъ трехъ отдѣльныхъ статутовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1242 г., послѣдній—къ первой четверти XV вѣка. Непосредственное отношеніе къ славянскому праву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій интересъ для насъ,—имѣетъ первый изъ

(1) Леонтовичъ. Др. Хорв.-Далм. закон., стр. 1 .

(2) Ibidem, стр. 62.

(3) Ibidem, стр. 63.

этихъ статутовъ (1242 г.), принадлежащій къ числу древнѣйшихъ памятниковъ хорватскаго законодательства. Загребскій *Статутъ 1242 года* черпалъ свое содержаніе изъ двоякаго источника; во первыхъ, и главнымъ образомъ, источникомъ послужили ему нормы стариннаго обычнаго права, а во вторыхъ, въ памятникъ этотъ вошли также статуты и привиллегіи, дававшіеся Загребу въ предшествовавшія эпохи (1).

Въ заключеніе обзора главныхъ моментовъ хорвато-далматскаго законодательства, нельзя не остановиться на вопросѣ о вліяніи оказанномъ мадьярами на органическій ходъ развитія его. Извѣстно что тотъ періодъ времени, пока Хорваты управлялись собственными королями своими (отъ отдѣленія ихъ отъ Сербовъ и до подчиненія Венграмъ, слѣдовательно отъ половины X до первыхъ годовъ XII вѣка), —ознаменовался безпрерывными смутами, неурядицею и внутреннею розныо въ жизни Хорватскаго народа, что и побудило его въ 1102 году добровольно подчиниться власти венгерскихъ королей. Весьма естественно, что подобный ходъ исторической жизни хорватскаго народа легко можетъ дать поводъ заподозрить чистоту національнаго характера развитія хорватскаго права. Но подобное подозрѣніе должно разсѣяться какъ самыми памятниками хорватскаго законодательства, которые, какъ мы видѣли, съ чисто юридической, бытовой стороны своей (за исключеніемъ административныхъ и государственныхъ опредѣленій) являются несомнѣннымъ отраженіемъ славянскаго обычнаго права,—такъ и историческими свидѣтельствами. Подчинившись власти венгерскихъ королей, Хорваты выговорили за собою сохраненіе древнихъ правъ своихъ. Да наконецъ и сами государи венгерскіе, по крайней мѣрѣ въ первоначальныя эпохи господства своего надъ славянскими племенами, не насиловали правъ ихъ; такъ, напримѣръ, современные лѣтописцы, говоря о законодательной дѣятельности первыхъ мадьярскихъ князей Арпада и Зульты, свидѣтельствуютъ что они оставляли покоряемымъ ими славянскимъ племенамъ національныя обычныя права ихъ, формулируя изъ послѣднихъ въ письменной формѣ лишь тѣ опредѣленія, свѣденія о которыхъ были необходимы правительству для цѣлей административныхъ (2).

---

(1) Леонтовичъ. Др. Хорв.-Далм. закон., стр. 52.
(2) Maciejowski. H. pr. S. I, 317.

Уже изъ сдѣланнаго нами весьма краткаго очерка происхожденія древнѣйшихъ памятниковъ законодательства отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, достаточно выясняется то положеніе, что законодательства ихъ основывались на нормахъ строго-національнаго обычнаго права и что, слѣдовательно, сравнительное изученіе памятниковъ этихъ должно открыть намъ широкій путь къ познанію основныхъ началъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ прямыхъ, непосредственныхъ указаній на то, что древнѣйшій законодательный сборникъ нашъ—Русская Правда—составленъ на основаніи дѣйствовавшаго среди восточныхъ Славянъ обычнаго права,—указаній подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаемъ мы, напримѣръ, въ Винодольскомъ законѣ. Отсутствіе подобнаго рода указаній долго давало изслѣдователямъ этого памятника поводъ считать его законодательствомъ заимствованнымъ, привитымъ къ русской жизни съ чужой почвы. Въ наше время подобнаго рода воззрѣнія должны быть отнесены уже въ область исторіи науки, потерявъ право на свое существованіе; ближайшее изслѣдованіе Русской Правды уяснило значеніе его, какъ памятника вполнѣ славянскаго. Особенную услугу принесло въ этомъ отношеніи ближайшее знакомство русской историко-юридической науки съ исторіею славянскихъ законодательствъ, которое спасло нашу древнюю юридическую самобытность отъ начавшагося было слѣпаго, повальнаго отрицанія ея, которое выяснило истинный путь къ познанію древнѣйшаго юридическаго быта русской земли, указавъ что намъ незачѣмъ, по выраженію Кавелина, выводить основы его изъ за тридевяти земель, изъ за тридесятаго царства, что намъ незачѣмъ объяснять свое древнее право заимствованіями у чуждыхъ намъ и по духу, и по происхожденію народностей Запада, такъ какъ оно является такимъ-же живымъ отраженіемъ началъ обще-славянскаго обычнаго права, какимъ являются и права юго-западныхъ единоплеменниковъ нашихъ.

Окончивъ обзоръ непосредственныхъ источниковъ познанія началъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права, переходимъ къ обзору *посредственныхъ источниковъ* его, къ числу которыхъ отнесемъ мы: а) характеръ и условія

быта, b) произведенія народной поэзіи и c) пословицы отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

Характеръ и условія быта всякаго народа всегда находятъ себѣ въ большей или меньшей мѣрѣ отраженіе и въ юридическомъ развитии его, въ юридической жизни его, въ той или другой формѣ правовыхъ отношеній и институтовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что географическія и климатическія условія быта народа вліяютъ на родъ занятій и на складъ характера и темперамента его,—а этими моментами въ свою очередь опредѣляется тотъ или другой складъ юридической жизни. Далеко не безъ вліянія остаются въ этомъ отношеніи и религіозныя понятія и воззрѣнія народа, а также и характеръ отношеній его къ сосѣднимъ народамъ. Само собою разумѣется, что форма и характеръ того или другаго юридическаго отношенія или института являются съ различными оттѣнками у народа осѣдлаго и у народа кочеваго, у народа земледѣльческаго и народа промышленно-торговаго, у народа занимающагося земледѣліемъ и у народа занимающагося скотоводствомъ и звѣроловствомъ; это-же различіе занятій непосредственно обусловливается географическимъ, климатическимъ и геогнозическимъ положеніемъ и свойствами страны. Большинство историковъ не только славянскихъ, но даже западно-европейскихъ [1], съ полнымъ основаніемъ соглашаются съ тѣмъ, что осѣдлый, мирный и земледѣльческій образъ жизни славянъ, въ связи съ истекающими изъ него религіозными вѣрованіями ихъ, способствовалъ развитію у нихъ того типичнаго, характернаго семейно-общиннаго быта, который, будучи глубоко проникнутъ у нихъ патріархальнымъ началомъ, рѣзко отличался однако отъ извѣстнаго Западной Европѣ замкнутаго, строго-родоваго быта и невольно обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя. Древніе памятники законодательствъ славянскихъ народовъ видимо носятъ на себѣ слѣды вліянія сходныхъ чертъ быта этихъ народовъ. Изслѣдователю, близко знакомому съ Русскою Правдою, лѣтописями и другими памятниками древнѣйшаго юридическаго быта

---

(1) См. напримѣръ: *Отеч. Зап.*, томъ CXC, отд. I, стр. 387—388. (Статья: Философія исторіи славянъ.); *Заря* 1870 г., кн. 2, отд II, стр. 8 (Статья: Ломанскаго: Объ истор. изученіи греко-славянскаго міра).

русскихъ славянъ, при чтеніи древнихъ законодательныхъ памятниковъ другихъ славянскихъ народовъ, постановленія послѣднихъ покажутся какъ-бы знакомыми, какъ-бы родственными, хотя-бы они и не были совершенно тожественны постановленіямъ древняго русскаго права; это объясняется конечно тѣмъ, что во всѣхъ памятникахъ славянскихъ законодательствъ отразились не только слѣды обще-славянскаго обычнаго права, но что въ нихъ отразилось вліяніе и обще-славянскихъ условій и чертъ народной жизни.

Переходимъ къ народной поэзіи, какъ второму посредственному источнику познанія древнѣйшаго обычнаго права. Значеніе народной поэзіи для исторіи права вытекаетъ изъ того, что эта поэзія не есть случайный, неорганическій продуктъ народной жизни. Будучи выраженіемъ стремленія народа къ самосознанію, къ сознанію той идеи, для осуществленія которой призванъ извѣстный народъ къ существованію,— народная поэзія является отраженіемъ тѣхъ разнообразныхъ сторонъ духовной и матеріальной жизни народа, при содѣйствіи которыхъ осуществляется это призваніе народа. Такими сторонами духовной и матеріальной жизни народа является его религія, философія, *обычаи*, *право*, мѣстожительство, языкъ, внѣшняя исторія и т. п. условія. Отсюда открывается связь народной поэзіи съ правомъ народа; право составляетъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій духовной жизни народа,—слѣдовательно народная поэзія, преслѣдуя идеалъ этой жизни, не можетъ не почерпать своего содержанія и изъ юридическаго сознанія народа. Славяне всегда отличались, и до настоящаго времени отличаются, замѣчательнымъ творчествомъ въ сферѣ народной поэзіи, причемъ произведенія послѣдней служатъ вѣрнѣйшимъ отраженіемъ различныхъ сторонъ исторической и бытовой жизни ихъ. Не говоря уже о сказкахъ и легендахъ, о цѣлой массѣ обрядовыхъ пѣсней, о цѣломъ циклѣ пѣсней женскихъ, пѣсней эпическихъ, юнацкихъ,—въ которыхъ, между различными другими сторонами народнаго быта, въ значительной степени отражаются и любопытнѣйшія черты правоваго быта народа,— мы считаемъ достаточнымъ указать на то громадное научное значеніе, которое получило для исторіи славянства вообще и для исторіи славянскаго права въ частности, открытіе древняго сборника произведеній чешской народной поэзіи, извѣстнаго подъ названіемъ Краледворской рукописи.

Нельзя пожаловаться на отсутствіе сборниковъ народной поэзіи отдѣльныхъ народовъ славянскихъ; собираніе произведеній ея уже давно и дѣятельно занимаетъ лучшихъ славянскихъ лингвистовъ, историковъ и бытописателей; но, на сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени почти ничего не сдѣлано еще для изученія ихъ съ точки зрѣнія исторіи права (1).

Въ качествѣ одного изъ видовъ устной народной поэзіи могутъ быть разсматриваемы пословицы и поговорки,—являющіяся третьимъ посредственнымъ источникомъ познанія древней исторіи права. Подъ названіемъ *пословицъ* разумѣются краткія сентенціи, изложенныя въ сжатой, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сильной и звучной рѣчи, въ которыхъ выражаетъ народъ различнаго рода впечатлѣнія, навѣянныя на него вліяніемъ различныхъ физическихъ, матеріальныхъ и нравственныхъ условій и сторонъ жизни его. Юридическія отношенія жизни, въ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ, слишкомъ глубоко затрогиваютъ существеннѣйшіе интересы его для того что-бы, въ сферѣ міросозерцанія своего, народъ могъ оставить ихъ безъ наблюденія. Напротивъ, народъ внимательно приглядывается къ различнымъ фазамъ этихъ отношеній въ ихъ какъ нормальномъ, такъ и аномальномъ проявленіяхъ и, излагая получаемыя имъ впечатлѣнія въ видѣ краткихъ,

---

(1) По вопросу о народной поэзіи славянскихъ народовъ существуютъ изслѣдованія: *Буслаева* «Историческій очеркъ русской народной словесности и искусства»; *Бодянскаго* «О народной поэзіи славянскихъ племенъ»; Миллера «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности». Затѣмъ сборники произведеній народной поэзіи: *В. Караджича* «Српске народне пјесмé»; *братьевъ Миладиновичей* «Булгарски народни пѣсни»; «Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ *Венелина* и *Катранова*», напечатанныя въ 21 и 22 кн. Временника М. О. И.; *Ербена* «Prostonárodni české pisně a řikadla»; *Сюжиля* (Sušil) «Moravské národní pisně»; *Гаупта* и *Шмалера* (Haupt und Schmaler) «Volkslieder der Wenden in der Ober und Nieder Lausitz»; *Кольберга* «Pieśni ludu polskiego»; *Головацкаго* «Сборникъ народныхъ пѣсней Галицкой и Угорской Руси», въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. за 1865 г. и др. Вопросъ о значеніи народной поэзіи для изученія исторіи древняго права и о связи ея съ общественнымъ юридическимъ сознаніемъ и правовою жизнью, затрогивается въ извѣстномъ трудѣ *Буслаева*: «Историч. очеркъ русской народной словесности».

легко запоминаемыхъ изрѣченій, создаетъ болѣе или менѣе обширный кругъ пословицъ юридическихъ, непосредственно отражающихъ въ себѣ правовое сознаніе народа о правдѣ и неправдѣ, о справедливости и несправедливости, объ обычаѣ, законѣ, управленіи, отношеніяхъ и институтахъ правъ семейнаго, наслѣдственнаго, обязательственнаго и т. п. Напоминая съ извѣстной точки зрѣнія юридическія формулы, съ которыми онѣ довольно близко соприкасаются, пословицы представляютъ отличіе отъ нихъ въ томъ отношеніи, что онѣ создаются не во имя самаго права, не во имя практическаго его примѣненія,—о чемъ имѣли мы уже случай говорить при обозрѣніи юридическихъ формулъ, какъ непосредственнаго источника познанія древняго права.

Народы славянскаго племени, будучи одарены отъ природы богатою фантазіею, поэтическимъ складомъ міросозерцанія и неудержимымъ стремленіемъ проявлять во внѣшнемъ мірѣ всѣ впечатлѣнія, ложащіяся на духовное сознаніе ихъ—обладаютъ обширнымъ запасомъ произведеній народнаго духовнаго творчества, а въ томъ числѣ и весьма значительнымъ кругомъ пословицъ. Жизненное, бытовое значеніе пословицъ и настоятельность научнаго изученія ихъ для правильнаго разумѣнія народной жизни какъ въ ея прошедшемъ, такъ и въ ея настоящемъ—не разъ указывались уже въ нашей литературѣ. Пословицы, замѣчаетъ *В. Даль*, не сочиняются народомъ, но „вынуждаются силою обстоятельствъ, какъ крикъ или возгласъ, невольно сорвавшійся съ души“; пословицы, продолжаетъ онъ, представляютъ изъ себя „сводъ народной опытной премудрости, цвѣтъ народнаго ума, самобытной стати; это житейская *народная правда*, своего рода *судебникъ*, никѣмъ не судимый“ (1). По замѣчанію другаго знаменитаго собирателя и изслѣдователя русскихъ пословицъ, народныя пословицы представляютъ отраженіе народнаго „ума и фантазіи, рѣзкое выраженіе его климата, духа его вѣры, правленія, воспитанія, *нравовъ и обычаевъ* (2)“.

---

(1) В. Даль: Пословицы русскаго народа. Чтенія въ Моск. Общ. И. и Др., 1861, № 2 (Предисловіе, стр. XXII).

(2) Снегиревъ: Русскіе въ своихъ пословицахъ, М. 1831. Кн. I, стр 5.

Стремленіе къ собиранію народныхъ пословицъ дѣло уже не новое у народовъ славянскаго племени. Еще въ 1582 году изданъ былъ въ Прагѣ чехомъ *Я. Срнцемъ* (Я. Срнце) сборникъ пословицъ чешскаго народа, подъ заглавіемъ: „Dicteria, sive proverbia Bohemica"; равнымъ образомъ и въ Польшѣ еще въ 1618 г. изданъ былъ *С. Рысинскимъ* первый сборникъ польскихъ пословицъ. Извѣстно что и въ нашемъ отечествѣ, еще въ царствованіе Петра I, существовали рукописные сборники пословицъ. Дѣло собиранія пословицъ и въ послѣдующія времена, особенно съ конца прошлаго столѣтія, находило себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ средѣ славянскихъ писателей и ученыхъ ([1]).

Взаимное сравненіе юридическихъ пословицъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ съ одной стороны, и сравненіе ихъ съ юридическими пословицами русскаго народа съ другой стороны—открываетъ замѣчательное сходство, порою даже поразительную тожественность ихъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, просматривая сборникъ славянскихъ пословицъ Челяковскаго и собраніе славянскихъ пословицъ въ указанномъ въ предшествующей сноскѣ изслѣдованіи Богишича; это представляется тѣмъ болѣе легкимъ, что пословицы отдѣльныхъ народовъ, съ одинакимъ содержаніемъ, расположены въ обоихъ собраніяхъ (особенно въ изслѣдованіи Богишича) группами. Имѣя въ виду тотъ неоспоримый фактъ, что близкое сходство юридическихъ пословицъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ—сходство подмѣченное еще *Снегиревымъ*—является результатомъ общаго всѣмъ этимъ народамъ склада юридическаго сознанія и міросозерцанія и является несомнѣннымъ отголоскомъ древнѣйшаго, до-историческаго быта ихъ,—мы легко поймемъ ту высокую степень интереса, ту настоятельную цѣлесообразность и пользу, съ которыми сопряжено изученіе духа пословицъ вообще, а глав-

---

([1]) Подробная библіографія сборниковъ пословицъ славянскихъ народовъ приводится Снегиревымъ въ его изслѣдованіи: «Русскіе въ своихъ пословицахъ», книга I, стр. 28—40. Выборку чисто юридическихъ пословицъ находимъ въ сборникѣ *Челяковскаго:* «Mudroslovi národu Slovanského ve přislovich», Praha, 1852, Стр. 338—373 (подъ рубрикою «Právo») и въ сочиненіи *В. Богишича:* «Pravni običaji u Slovena», Zagreb, 1867. Изслѣдованіе русскихъ юридическихъ пословицъ,—въ третьей книгѣ *соч. Снегирева* «Русскіе въ своихъ пословицахъ», М. 1831.

нымъ образомъ пословицъ юридическихъ, для познанія коренныхъ началъ древнѣйшаго славянскаго обычнаго права.

Въ такомъ видѣ представляются намъ непосредственные и посредственные источники познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права, изученіе которыхъ не можетъ и не должно быть обходимо въ видахъ раціональнаго, самостоятельнаго и плодотворнаго изслѣдованія его; таковы методъ и средства познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права вообще,—а въ связи съ послѣднимъ и древняго обычнаго права русскаго народа. Конечно, единичной личности, какъ-бы ни были сильны и могучи умственныя и духовныя силы ея, какъ-бы ни была тверда ея воля, ея энергія и упорность въ трудѣ—врядъ-ли подъ силу обнять полное изученіе всей указанной нами массы источниковъ. Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны представить они —требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ даже трудовъ многихъ поколѣній.

Между тѣмъ полнаго и плодотворнаго результата вправѣ мы ожидать лишь отъ изученія разсмотрѣнныхъ источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права *въ ихъ взаимодѣйствіи, въ ихъ совокупности*. Но при этомъ изученіи великая осторожность и національное самосознаніе требуются отъ изслѣдователя для того, что-бы умѣть выдѣлять изъ представляющагося ему матеріала тѣ отдѣльныя проявленія, которыя не составляютъ продукта національной духовной жизни народа, но которыя проникли въ эту жизнь извнѣ, благодаря гнетущему вліянію временныхъ, преходящихъ толчковъ въ нормальномъ ходѣ развитія народной жизни, или-же которыя были навѣяны чуждымъ вліяніемъ, стремившимся съ самаго начала исторической жизни славянъ ворваться въ самобытный кругъ развитія ея, съ тѣмъ что-бы убить въ ней эту, столь высоко цѣнимую ими, самобытность.

